

Впервые на русском!

ИРВИН
УЭЛШ

ДЖИНСЫ
МЕРТВЫХ

ТОРЧКОВ

*Уэлли сторвался по палкой.
— The Times*

*Уэлли вновь набрал стилистическую форму.
— Esquire*

18+

На игле

Ирвин Уэлш

Джинсы мертвых торчков

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэлш И.

Джинсы мертвых торчков / И. Уэлш — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (На игле)

ISBN 978-5-389-18956-0

Впервые на русском – новейший роман «неоспоримого лидера в новой волне современной британской словесности» (Observer), который «неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик» (Spin). Возвращаясь из Шотландии в Калифорнию, Бегби – самый одержимый из давно знакомых нам эдинбургских парней, переквалифицировавшийся в успешного скульптора и загнавший былую агрессию, казалось бы, глубоко внутрь, – встречает в самолете Рентона. И тот, двадцать лет страшившийся подобной встречи, донельзя удивлен: Бегби не лезет драться и вообще как будто не помышляет о мести. Рентон за прошедшие годы тоже заматерел, стал известным менеджером на клубно-диджейской сцене, живет то в Голландии, то в Штатах. Больной перебрался в Лондон, руководит эскорт-агентством нового типа. А вечному неудачнику Спаду Мёрфи посулили легкий приработок – и он ввязывается в контрабанду человеческих органов. Издевательский каприз судьбы сведет старых друзей вместе – и переживут эту встречу не все. Кому же придется впору Джинсы Мертвых Торчков? «Свершилось! Рентон, Бегби, Больной и Спад снова вместе», – пишет газета Sunday Times. И, если верить автору, это их последнее приключение. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18956-0

© Уэлш И., 2018

© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Пролог. Лето 2015 Летуны	11
Часть первая. Декабрь 2015. Еще одно неolibеральное Рождество	17
1	17
2	26
3	30
4	44
5	48
6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирвин Уэлш

Джинсы мертвых торчков

Irvine Welsh

DEAD MEN'S TROUSERS

Copyright © Irvine Welsh, 2018

First published as Dead Men's Trousers by Jonathan Cape, an imprint of Vintage.

Vintage is a part of the Penguin Random House group of companies

All rights reserved

© В. Нугатов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Уэлш неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик.

Spin

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш – лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Ник Хорнби

Ирвин Уэлш – натуральный уникум: только он может так чудесно смешать нигилизм и мелодраму, снайперски точный реализм (особенно в плане диалекта) и самые универсальные архетипы.

Дэвид Фостер Уоллес

Уэлш – редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты – хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся – спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! – такая вот ироническая беллетристика.

Лев Данилкин («Афиша»)

«Джинсы мертвых торчков» заявлены как заключительный роман о наших любимых героях – и Уэлш оторвался по полной.

The Times

Свершилось! Рентон, Бегби, Больной и Спад снова вместе. Высокооктановые злключения на стыке наркоторговли, проституции, голливудской арт-сцены и контрабанды донорских органов, изложенные с поистине садистским апломбом.

Sunday Times

Но есть и вечные ценности: футбол; старое доброе ультранасилие; шотландский диалект во всей красе. Фанаты Уэлша не разочаруются.

Mail on Sunday

Оторваться совершенно невозможно. Никто лучше Уэлша не передаст оттенки любви и ненависти, что неизбежно сопутствуют дружбе длиною в жизнь.

Esquire

Пятитомную сагу, заключительный том которой мы держим в руках, Уэлш называл своей «гарри-поттеровской франшизой». Это своего рода исследование того, что значит быть мужчиной в современном мире, это сочувственная иллюстрация понятной мысли, что, делаясь старше, мы не обязательно делаемся мудрее.

Financial Times

Все хорошее когда-нибудь заканчивается – и финал вышел крайне достойным. наших четырех друзей не сломили ни наркомания, ни предательство...

National Public Radio

Представьте себе «Одиннадцать друзей Оушена», снятые в манере Чарли Чаплина или Макса Линдера. Любая книга Уэлша переполнена энергией, и «Джинсы мертвых торчков» не исключение.

Publishers Weekly

Очередная доза фирменного уэлшевского абсурдизма – удивительным образом жизнеутверждающего, при всей своей трагикомичности. И даже если мы и вправду прощаемся с полюбившимися за десятилетия персонажами, мы еще не скоро их забудем.

Booklist Review

Особенный талант Уэлша в том, как он умудряется найти комедию в историях о сексуальной одержимости и предательстве, наркомании и смерти. И даже самые кровавые, самые чернушные эпизоды можно отнести к категории уютного чтения.

Kirkus Reviews

Сбросив лишний жир, Уэлш вновь набрал отменную форму – любо-дорого поглядеть.

Esquire

Уэлш снова мастерски играет на нашей любви к запретным плодам, и чем запретнее, тем лучше.

The Times

Недавно Дэнни Бойл вернул наших любимых героев на большой экран, так что и новый роман придется как никогда вовремя. Бегби всегда был самой энергичной движущей силой этого ансамбля, теперь же он выходит на первый план. Да, по сюжету это триллер – но триллер в духе тарантиновских вестернов

или военных приключений, когда жанровая оболочка скрывает нечто гораздо большее.

Skinny

Проза снайперски точная, отточенная до остроты бритвенного лезвия.

List

Адреналиновая волна подхватывает читателя на первой же странице и несет, не отпуская.

Independent on Sunday

Главной ценностью романов Ирвина Уэлша являются не лихо закрученные сюжетные линии (хотя они, несомненно, хороши), а язык самого автора и язык его персонажей. Язык уэлшевских романов сотрясает своей развязностью, но в то же время он искренен и точен. Он как бы схватывает те наши мысли, которые ушли в подполье, не желая находиться в одном помещении с нашими же обычными суждениями и умозаключениями.

Культура. Свежая газета

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев («Иностранная литература»)

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием сленга, жаргона и диалектизмов – характерный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно – по мысли поклонников – гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избегать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах аиста марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то, и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин, с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравоучения: Уэлш, так же, как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Далем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интертекстуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются отсылки к другим книгам – я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую, как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания – все то, что происходит вокруг.

Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захочу философии, то я обращусь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писатель», – он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при создании своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудиовизуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов («Иностранная литература»)

Ирвин Уэлш – ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша – один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь – неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Ирвин Уэлш – неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша – все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов – печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Самое прекрасное во вдохновении – то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

* * *

Посвящается Саре

Пролог. Лето 2015 Летуны

По спине стекает беспокойный ручеек пота. Нервы на пределе, зубы, нахуй, лязгают. Сидишь, сука, в эконом-классе, зажатый между жирным пиздюком и дерганым ебалыгой. Не срослось с местом в бизнес-классе в последний момент, и щас так всю грудь сдавило, чё ни вздохнуть, закидуюсь еще одним амбиеном и отвожу взгляд, чёбы алкаш рядом не засек. Штаны пиздец как обтягуют. Никада не могу найти подходящий размер. На мне тридцать вторые, так они узкие, а тридцать четвертые висят мешком и хуево смотрятся. Мало где можно достать мой оптимальный тридцать третий.

Чтобы отвлечься, беру свой «Диджей-мэг» и трясущимися руками листаю страницы. Перебрал с бухлом и снежком вчера на сейшене в Дублине. В который раз. Потом прилетел на Хитроу, горячая перепалка с Эмили – единственной бабой с тройки диджеев, которыми управляю. Хотел, чёб она вернулась в студию сводить демку, от которой я тащуся, хоть у нее самой и ноль веры в нее. Начал прессовать, она завелася, закатила сцену, как она умеет. Кароч, оставил ее в аэропорту, а сам сел на транзитный до Лос-Анджелеса.

Заебался, спина ноет, и я на грани недетской панической атаки, а алконавт рядышком все трындит и трындит, транслируя свой страх всему самолету. Я сижу и просматриваю журнал, вздыхаю и молю Бога, чёбы колеса наконец встали.

Потом чувак вдруг замолкает, и я чувствую, чё надо мной стоит кто-то. Опускаю журнал и подымаю голову.

Первая моя мысль: «Нет».

Вторая: «Блядь».

Он стоит в проходе, клешня небрежно свисает со спинки сиденья, над бóшкой перебзевшего алкаша. Эти буркалы. Так и прожарюют тебя насквозь. Слова, чё хочу сказать, испаряются в пересохшей горлянке, как вода в пустыне.

«Франко. Фрэнсис Джеймс Бегби. Какого хуя?»

Мысли сыпятся лихорадочным потоком: «Ну все, пора уступить, а не линять – линять же некуда. Но чё он тут может сделать? Грохнет миня? Разобьет самолет, совершит суицид и утащит всех за собой? Ясен пень, это конец, но как он поквитается?»

Он просто смотрит на меня со спокойной лыбой и говорит:

– Здоров, старина. Скока лет, скока зим.

Ну и ну, этот ебучий псих ведет себя так разумно, чё явно чё-нибудь отчубучит! Я вскакую, перелезаю через жирного мудака, и тот взвизгивает, када мой каблук съезжает ему по ноге. Вывалююсь в проход, хуйнув себе колено, но потом быстренько встаю на ноги.

– Сэр, – верещит приближающаяся стюардесса с жесткими от лака светлыми волосами, пока жирный гандон за спиной возмущенно воет.

Протискуюсь мимо нее, врываюсь в парашу, захлопываю и запираю за собой дверь. Прижимаюсь всем телом к этой хлипкой преграде между мною и Франко. Сердце хуярит как барабан, пока тру ноющую коленку.

Снаружи настырный стук.

– Сэр, у вас там все нормально? – стюардесса, голосом сестры милосердия.

Потом снова слышу эту подрывную нормальную интонацию, бесцветный заокеанский вариант того голоса, за который я до боли в курсах:

– Марк, это я... – он запинается, – Фрэнк. У тебя там все нормально, дружище?

Фрэнк Бегби – уже больше не абстрактное понятие или какой-то призрак, порожденный горестными воспоминаниями в уголке моего мозга и незримо витающий вокруг миня в воздухе. Он обрел плоть и кровь в самой будничной обстановке. Он щас с другой стороны этой всратой двери! Но я вспоминаю за его табло. Даже мельком взглянув на Франко, я почуял в нем

чѐ-то совершенно другое. Дело не тока в том, как он постарел, – вполне нормально, я считаю, но када я последний раз видел этого пиздюка, он валялся, весь в крови, на проезжей части в конце Лит-уок, сбитый на скорости тачилой, чисто после того, как сломя голову кинулся в погоню за мной. Такое ни в ком не раскрывает лучших качеств. И вот сейчас он поймал меня в эту ловушку на высоте шести миль.

– Сэр! – снова стучит стюардесса. – Вам плохо?

Амбиен меня успокаивает, на одно деление уменьшая панику.

«Он ни хрена не сможет тут сделать. Если этот пиздюк заведется, его ткнут электрошокером и повяжут, как террориста».

Дрожащей рукой отворяю со щелчком дверь. Он стоит напротив.

– Фрэнк...

– Этот мужчина с вами? – спрашивает стюардесса Франко.

– Да, – говорит он, напуская на себя авторитетность, – я о нем позабочусь, – и поворачивается ко мне, изображая участие: – Все нормально, корешок?

– Угу, просто запаниковал малехо... думал, ща рыгать начну, – говорю ему, быстро кивая стюардессе. – Я немного боюсь летать... Это, рад тебя видеть, – решаюсь сказать Фрэнсису Джеймсу Бегби.

Стюардесса настороженно сваливает, а я сам про себя: «Не уходи». Но Франко, загорелый и стройный, в белой футболке и с прикольным пятном красного вина, невероятно спокоен. Он стоит и просто улыбается мне. Но не как шизоид, чѐ держит порох сухим, хоть иво переполняет подавленная угроза, а так, кабута он даже *не злится*.

К своему полному, блядь, изумлению, я врубаюсь, чѐ не просто ждал этого дня, а чѐ теперь, када он наступил, даж охуенно этому рад. С моих дряхлых плечей спадает груз, и миня мутит от пугающей, головокружительной свободы. Может, амбиен.

– По-моему, я тебе денег должен, Фрэнк... – вот и все, чѐ я могу родить, пока какой-то парень протискивается мимо нас в сортир. Больше тут и сказать нехуй.

Франко продолжает смотреть на меня с улыбкой, поднимает брови.

Бля буду, есть тут и старый, сука, должок, а потом и кидалово буйного неадекватата, чѐ большую часть жизни провел за решеткой. Ты слыхал по сарафанному радио, чѐ он давненько тибя ищет, а несколько лет назад почти тибя поймал, хотя и сам пострадал при этом нехило. «Денег должен» – это еще очень мягко, блядь, сказано. Я могу тока стоять тут с ним, в тесном пространстве у параша, – пока мы летим по небу в этой металлической трубе, а вокруг ревут двигатели.

– Слышь... Я знаю, чѐ должен вернуть тибе долг, – говорю, клацая зубами, и ясно как день врубаюсь не тока в *это*, но и в то, чѐ это вполне реально сделать и он миня нахуй не замочит.

Фрэнк Бегби все так же расслабленно усмехается и ведет сибя непринужденно. Даже взгляд иво кажется благодным, а совсем не маньячным и не угрожающим. На лице больше морщин, и это миня удивляет: они на смешинки смахивают. Бегби редко веселился – ну разве над чужими бедами, результатом собственных действий. Руки у ниво такие ж сильные: тугие кабеля мышц вывалюются с футболки с этой странной меткой.

– Проценты могут быть довольно высокими. – Он снова поднимает брови.

Они будут, нахуй, астрономическими! Это не просто денежный долг. И даже не просто членовредительство, када он без оглядки бросился наперерез мчащейся тачке в маньячной погоне за мной. Это были узы очень и очень давней нездоровой дружбы. Я никогда не мог этого постичь, но пришел к убеждению, чѐ частично это меня и сформировало.

Пока я не кинул иво на те бабки.

Мы провернули одно левое дельце с наркотой. Я был молодым торчком, и мине просто надо было съебать нахуй с Литы, с того болота, куда меня засасывало. Эти деньги были билетом на волю.

Щас я даж не могу ответить на вопрос, какого хуя этот пиздюк делает на рейсе в Л.-А., – щас я сам должен оправдываться. Я прикидываю, чё он заслуживает хотя бы моей попытки объяснить всё, кароч, я скажу ему почему. Почему кинул его, Больного, Второго Призера и Спада. Хотя нет, Спад – с другой оперы. Я вернул деньги Спаду и, гораздо позже, Больному, а потом приложил руку к тому, чёбы нагреть этого пиздюка еще больше, в другой провальной афере.

– Я готов был вернуть тебе долг, – заявляю, сжимая челюсти, чёбы не стукали, – но я был в курсах, чё ты миня ищешь, и решил держаться от греха подальше. Потом произошла эта авария...

Морщусь, вспоминая, как эта «хонда-сивик» подкинула иво в воздух и он жмаканой грудой бухнул на асфальт. Как я его поддерживал, пока не приехала «скорая», и он потерял сознание. В тот момент я в натуре поверил, чё он откинулся.

Пока говорю, все тело непроизвольно еще больше напрягается, опасаясь резкого тычка, но Франко просто терпеливо слушает, глубоко втягуя стерильный воздух. Пару раз мне кажется, чё он подавляет сильное желание заговорить, пока об нас трутся бортпроводники и пассажиры. Када заканчиваю свою запыханную трепотню, он просто кивает:

– Да.

Я выпадаю в осадок. Я бы попятился в недоумении, если б было куда на этой тесной площадке, где мы оказались заперты.

– Да... в каком смысле «да»?

– В смысле, я догоняю, – он пожимает плечами, – я понимаю, чё тебе выбратся надо было. У тебя с наркотой пиздец. А у миня пиздец с беспределом и синькой. Ты догнал, чё надо валить с того места, где мы были, еще до того, как в это врубился я.

«Чё за хуйня?»

– Угу, – все, чё могу сказать. Я должен был перетрухать, но чё-то не чую подставы. С трудом верится, чё это Франко. У него ж никогда таких заморочек не наблюдалось, и он даж стеснялся раньше такие слова употреблять. – Но я выбрал не тот спасательный аппарат, Фрэнк, – признаюсь униженно и смущенно. – Я развел своих же друганов. Как ни крути, а ты, Больной, Спад и Второй... Саймон, Дэнни и Рэб, вы ж были моими друзьями.

– Ты подосрал Спаду, када хрустов ему дал. Он опять на герыча присел.

Лицо у Франко становится холодным и бесстрастным – раньше оно меня выбешивало, ведь обычно это предвещало беспредел. Но теперь все кажется другим. И мне нечего возразить по поводу Спада. Все так и есть. Те три тыщи двести фунтов нихера ему не помогли.

– Если б ты то ж самое для миня сделал, ты бы, наверно, мне с бухлом подосрал. – Он понижает голос, когда мимо проходит еще одна стюардесса. – Поступки редко приводят к желаемым результатам.

– Все так, – мямлю, – но для миня важно, чёбы ты знал...

– Давай за это все не будем. – Он поднимает ладонь, качая головой и слегка жмурясь. – Расскажи лучше, где тебя мотало? Чё мутит?

Мине остается тока подчиниться. Но я думаю за то, как он дошел до жизни такой, и распутываю свои мысли. После того как Франко попытался наброситься на меня в Эдинбурге, хоть его потом и закрыли, я стал очень мобильным директором диджеев, а не островным клубным промоутером, которым был раньше. Директор вечно на ногах. Он разъезжает со своими клиентами по всему свету: у танцевальной музыки уже нет границ, ля-ля-тополя. Но это была просто такая отмазка, чёбы путешествовать, оставаться в движении. Угу, это кидалово на пару вшивых тыщ предопределило не только его, но и мою жизнь. Может, даже больше мою, чем его.

Потом к нам подкатывает эта красивая девица со светлыми волосами до воротничка. У нее стройная, спортивная фигура, лебединая шея, а глаза излучают какое-то спокойствие.

– Так вот ты где, – говорит она, улыбаясь Франко, и, поворачиваясь ко мне, вынуждает нас познакомиться.

«Чё за хуйня?»

– Это Марк, мой старый друг из Лита. – Пиздюк такой, и это смахует, как ебучий Большой изображал Коннери в роли Бонда. – Марк, это моя жена Мелани.

У меня аж голова кругом от удивления. Потной ладонью тянуса в карман за утешительным пузырьком амбиена. Никакой это не мой старой друган и смертельный враг Фрэнсис Джеймс Бегби. До меня вдруг доходит кошмарный варик: а может, я всю жизнь боялся чувака, которого больше не существует? Пожимаю мягкую, с маникюром руку. Мелани таращится на меня в непонятках. Видать, пиздюк даже ни разу за миня, блядь, не заикнулся! Не могу поверить, что Бегби настолько изменился: (бывший) лучший друган его кидает, сам Франко получает из-за него нехилые травмы и при этом не удосуживается хотя бы от нефиг делать упомянуть за него своей тёфанке!

Но Мелани это подтверждает, с американским акцентом:

– Он никогда не рассказывает о своих старых друзьях – да, милый?

– Просто они в основном на нарах чалятся, и потому ты их знаешь, – говорит он и наконец становится немного похожим на того Бегби, которого знал я. Это стремает и в то же время успокаивает. – Мы познакомились с Мел в тюрьме, – поясняет он. – Она арт-терапевт.

В голове что-то мелькает: размытый фейс, обрывок терки, подслушанной в шумном клубе под ешками, или словесного поноса под коксом: может, это был мой диджей-ветеран Карл или какой-то эдинбургский чел, приехавший на каникулы в Амстик. Насчет того, что Фрэнк Бегби типа стал преуспевающим художником. Я никогда не принимал это на веру, и мое сознание это отвергало. Просто я не реагировал на любые упоминания иво имени. А это была самая бредовая и неправдоподобная с множества баек, чё за ниво травили.

– Что-то вы на блатаря не похожи, – говорит Мелани.

– Я больше социальный работник с функциями тюремного надзирателя.

– И чем же вы на жизнь зарабатываете?

– Руководжу диджеями.

Мелани поднимает брови:

– Я кого-нибудь из них знаю?

– Самый мой известный – диджей Техноботан.

Фрэнк только лупает глазами, чего не скажешь о Мелани.

– Надо же! А я о нем слышала. – Она поворачивается к Франко: – Рут ходила на его концерт в Лас-Вегасе.

– Да, у нас контракт в отеле «Уинн», ночной клуб «Саррендер».

– «Входишь и выходишь из жизни моей, тырываешь мне сердце, ей-ей...» – Мелани вполголоса напевает последний хит диджея Техноботана, или Конрада Аппельдорна.

– Я за эту в курсах! – заявляет Франко с неподдельным интересом, и звучит это очень по-литски. Он смотрит на меня, как будто впечатлен. – Молоток.

– Есть еще одно имя, которое вы, возможно, знаете, – решаюсь вставить. – Помнишь Карла Юарга? ЭН-СИН? Звездил в девяностые или, точнее, больше в нулевые? Тусил с Билли Бирреллом, боксером?..

– Угу... а это не тот типа альбиносик, корефан Джуса Терри? Тот пацик стенхаусский?

– Угу. Он самый.

– Так он еще диджеит? Ничё за ниво щас не слышать.

– Угу, перекинулся на саундтреки для кин, но разбежался со своей тёфанкой, черная полоса у чела, и подставил Голливуд с музоном для крупной студийной киношки. Больше не может получить левака для кин, ну и я уговарю иво в диджеи вернуться.

– Ну и как оно ничё? – спрашивает Фрэнк, а Мелани поглядывает то на него, то на меня, как будто смотрит теннисный розыгрыш.

– Не айс, – признаюсь, хотя говно и то лучше.

У Карла пропала тяга к музыке. Я могу тока вытащить пиздюка с постели и поставить за пульта. Как тока сейшен кончается, водяра рекой и ебля с пляской, ну и меня частенько в водоворот затягует. Как вчера в Дублине. Када я был промоутером в Амстердаме, то держался в форме. Каратэ. Джиу-джитсу. Пахал как вол. Щас такого уже нет.

Как тока чувак освобождает туалет, Мелани туда заходит. Стараюсь даже не думать за то, какая она красавица, потому как уверен: Франко прочитает мои мысли.

– Слышь, корефан, – понижаю голос. – Не думал, чё все так обернется, но нам есть за чё малехо перетереть.

– Да ну?

– Угу, есть же этот вопрос, и иво надо решить в твою пользу.

Франко смотрит как-то смущенно, потом пожимает плечами и говорит:

– Махнемся номерами.

Пока обмениваемся контактами, появляется Мелани, и мы все возвращаемся на свои места. Снова сажусь, рассыпаясь в извинениях перед жирным мудаком, который отправляет меня в игнор, но сидит с возмущенно надутыми губами, точно приклеенными, пассивно-агрессивно потирая свою мясистую ляжку. Вздрагую от страха и волнения, которых уже сто лет не испытывал. Алкаш-аэрофоб смотрит на меня с оловянной панической эмпатией. Если я встретился с Фрэнком Бегби в таких обстоятельствах, это говорит о том, что у вселенной сле-тела кукушечка.

Закидуюсь еще одним амбиеном и начинаю кемарить: мой беспокойный мозг циклится на житейских раскладах. Думаю, как они тебя ожесточают и отупляют...

«...на чё-нибудь классное у тебя тупо нет больше времени, и ты постоянно увязаешь в какой-то лабуде, в общем, тебе становится поебать на чужую дрисню – если выделить ей место, она ж тебя просто переполнит – тада ты оттягнешься и зыришь „Поп-идола“ – самой собой, с иронией, с морем пафосного, въедливого презренья, – но иногда, только иногда, это не может полностью заглушить странную переполняющую тишину, и чё-то там негромко ишипит на заднем плане – с этим звуком из тебя вытекает жизненная энергия...

– слыыыыыишиишиишь...

– с этим звуком ты дышаешь – ты пленник собственного самоутверждения, самоограничивающих алгоритмов, позволяешь гуглу, фейсбуку, твиттеру и амазону заковать тебя в психологические цепи и впаривать тебе сраную одномерную версию тебя самого, и ты принимаешь ее, потому как это единственное утверждение, которое есть в наличии, – вот твои друзья – вот твои коллеги – вот твои враги – вот твоя жизнь – тебе нужен хаос, нужна внешняя сила, чёбы встряхнуть и вывести тебя с этого самоупоения – тебе это надо, потому как у тебя самого уже не хватает на это воли и фантазии, – когда я был помоложе, Бегби, так резко соскочивший со своей литско-тюремной колеи, сделал это за меня – это кажется ишизой, но какая-то часть миня всегда сучала за пиздюком – ты должен жить, пока не сдохнешь...

– ну и как же ты живешь?»

Позже в аэропорту еще немного болтаем, дожидаясь, пока нам багаж подгонят. Пытаюсь растянуть поясницу, а Фрэнк показывает мне на трубе своих детей – двух милых девочек. Все это совершенно вышибает. Почти похоже на здоровую, нормальную дружбу, чё должна была у нас быть, вместо моих постоянных попыток хоть как-то остановить иво беспредел. Он рассказывает мне за свою предстоящую выставку, зазывает туда и тащится от недоверия на моем

щачле, а я даж не пытаюся иво скрыть, пока ко мне медленно подъезжает мой клетчатый чемодан на колесиках.

– Угу, знаю, – снисходительно соглашается Бегби, – прикольные старые расклады, Рентс.

– Базара нет.

«Франко. Выставка, блядь! Такой хуйни нарочно не придумаешь!»

Кароч, смотрю, как он выходит с зала прилета лос-анджелесского аэропорта со своей молодой женой. Она умная и клевая, и у них явно любовь. Это большой шаг вперед, если сравнивать с той, как ее, в былые времена. Схватив бутылку воды с автомата, заглатываю еще один амбиен и направляюсь в автопрокат с тревожным чувством, что вселенная съехала с катушек. Если бы здесь и сейчас кто-то сказал мне, чё «Хибзы»¹ выиграют в следующем сезоне Кубок Шотландии, я бы практически ему, нахуй, поверил. Стыдно признаться, но горькая правда в том, чё я завидую пиздюку – художнику и творцу с шикарной чикулей. Не могу не думать: «На его месте должен был быть я».

¹ «Хибериан» (*Hibernian F. C.*, с 1875) – [шотландский](#) профессиональный [футбольный клуб](#) из эдинбургского района [Лит.](#) Основан католическим священником [Эдвардом Ханноном](#) и первоначально предназначался для членов [ирландской](#) иммигрантской общины (откуда название, происходящее от [латинского](#) наименования [Ирландии](#) – *Hibernia*). Домашняя арена клуба – стадион «Истер-роуд». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Часть первая. Декабрь 2015. Еще одно неолиберальное Рождество

1

Рентон – Командировочный

На лбу у Фрэнка Бегби выступает сыпь с капелек пота. Стараюсь не зырить. Он как раз вошел в здание с кондеем, и его организм адаптируется после жары снаружи. Напоминает мне, как мы познакомились. Тада тож тепло было. А может, и нет. С возрастом начинаешь разную хуйню идеализировать. Вообще-то, это было *не* в начальной школе, как я часто рассказывал. Эта история втиснулася в тот стремный, раздутый зазор между фактами и фольклором, где оказалась куча бак за Бегби. Нет, это было еще раньше: у фургона с мороженым за Фортом, видать, в воскресенье. И он нес большой пластиковый контейнер.

Я как раз недавно пошел в школу и знал за Бегби отудова. Тада он был на один класс старше, но это потом поменяется. Я встал за ним в очередь, а в глаза нам лупило яркое солнце, чё пробивалось в просветы меж темными многоквартирками. «Походу, пай-мальчик», – подумал я, глядя, как он послушно передает мороженщику контейнер.

– Это на после ужина, – сказал он с широкой улыбкой, заметив, чё я за ним наблюдаю. Помню, тада меня это сильно поразило: никада не видел, чёбы ребенку разрешали целый контейнер набрать. Мама просто давала мне сливки с банки «Пламроуз» с кусочками персиков или груш.

Потом, када я получил свой рожок, Бегби затормозил и подождал меня. Мы пошли вместе по улице, болтая за «Хибзов» и за свои велики. Мы были быстроногие, особенно он, чесали спортивной ходьбой и резко припускали трусцой, чтобы морожено не растаяло. (Значит, денек *был*-таки жаркий.) Я направился к высокому муниципальному дому «Форт-хаус», а он повернул через дорогу к закопченной многоквартирке. Тада это был просто «Старый Вонючка», пока не почистили камень и промышленную сажу не убрали.

– Покеда, – помахал он мне.

Я помахал в ответ. Да, он и был на вид пай-мальчиком. Но позже я узнал о другом. Я всегда рассказывал историю, как миня посадили рядом с ним в средней школе, будто для меня это было наказанием. Но это не так. Мы сели вместе, потому как уже подружились.

Щас я насилу могу поверить, чё нахожусь тут, в Санта-Монике, Калифорния, и веду такую вот жизнь. Особенно когда напротив меня за столиком сидит Фрэнк Бегби с Мелани, в этом классном ресторане на 3-й улице. Мы оба в тысяче световых лет от того фургона с мороженым в Лите. Я вдвоем с Викки, она занимается продажами фильмов, но сама родом из английского Солсбери. Мы нашли друг друга на сайте знакомств. Это наш четвертый выход в свет, и мы еще покамест не потрахались. Наверно, после третьего было б самое то. Мы ж не бебики. Теперь я чувствую, что мы чересчур затянули и немного робеем друг перед другом, гадаем: это вообще хоть к чему-то приведет? Я считал, что я клевый, но фигня в том, что она красотка и мне ужасно хочется быть с ней.

Кароч, напряжно находиться рядом с Франко и Мелани – такой яркой, бронзовокожей и здоровой парой. Франко на двадцать лет старше, но он почти что подходит этой подтянутой и загорелой калифорнийской блондинке. Они свободно и вальяжно ведут себя друг с другом: то рукой ляжки коснутся, то украдкой в щеку чмокнут и постоянно обмениваются многозначительными взглядами и заговорщицкими улыбками.

Влюбленные – пиздюки. Сами того не желая, они тычут тебя носом. И Фрэнк Бегби делает это со мной с того блядского дня на борту самолета прошлым летом. Мы все-таки остались на связи и уже несколько раз виделись. Но мы никогда не оставались вдвоем – он всегда с Мелани, а иногда и я кого-нибудь приведу. Как ни странно, инициатором выступает Франко. Когда мы договариваемся о стрелке с глазу на глаз, чтобы я мог обсудить возвращение долга, он вечно находит повод отменить встречу. Сейчас мы тут в Санта-Монике, и скоро Рождество. Он будет здесь, на солнышке, все праздники, пока я буду в Лите со своим стариком. Парадокс в том, что я могу теперь расслабиться, когда сидящий напротив чувак, который, по моим представлениям, никогда не должен был свалить со старого порта (разве что в кутузку), больше не представляет угрозы.

Еда вкусная, а компашка приятная и оттяжная. В общем, мне надо бы успокоиться. Но не тут-то было. Мы с Викки и Мелани раздавили бутылку белого. Я мечтаю о второй, но молчу. Франко больше не бухает. Я повторяю про себя в недоумении: «Франко больше не бухает». И када уже пора уходить и отправляться на берег к Викки, которая живет поблизости в Венеise, я снова задумываюсь над скрытым смыслом его трансформации и над тем, что она означает для меня. Я далеко не жесткий трезвенник (хоть и было б неплохо), но уже много лет хожу на собрания «Анонимных наркоманов» и потому в курсах, чё не возвращать ему бабки – это для меня просто психологически недопустимый вариант. Когда верну ему долг – а я врубаюсь, что обязан это сделать не только ради него, но и ради себя, – этот невъебенный груз свалится с моих плеч. Эта необходимость убежать отпадет навсегда. Я смогу больше видаться с Алексом, может, даже как-нибудь восстановлю отношения с Кэтрин, своей бывшей. Возможно, у меня получится тут с Викки, посмотрим, куда это нас заведет. А всего-то и надо – расчитаться с этим пиздюком. Я точно знаю, сколько должен ему по теперешнему курсу. Пятнадцать тысяч четыреста двадцать фунтов – этому равняются сегодня три тыщи двести. А это детский лепет по сравнению с тем, чё я должен Больному. Хоть я и откладываю для него и Второго Призера. Зато с Франко сроки поджимают.

На заднем сиденье убера Викки сжимает мою ладонь. Лапы у нее большеваты для женщины ростом примерно сто семьдесят – почти такого же размера, как мои.

– О чем задумался? О работе?

– Угадала, – хмуро вру я. – У меня эти сейшена на Рождество и Новый год в Европе. Но хотя б смотаюсь домой и проведу время со стариканом.

– Мне бы тоже хотелось домой съездить, – говорит она. – Тем более что сестра возвращается из Африки. Но это займет большую часть отпуска. Так что остается Рождество с какими-нибудь экспатами... в который раз, – раздраженно вздыхает она.

Сейчас самое то сказать: «Жаль, что не могу провести Рождество здесь с тобой». Это было б простым и честным признанием. Но встреча с Франко снова меня высадила, и момент упущен. Хотя есть и другие возможности. Когда подъезжаем к моему дому, спрашиваю Викки, не хочет ли она зайти ко мне и выпить на посошок. Она натянуто улыбается:

– О чем речь.

Поднимаемся в квартиру. Воздух душный, затхлый и горячий. Врубаю кондей, тот со скрипом и свистом включается. Наливаю два бокала красного и плюхаюсь на маленькую кушетку, внезапно устав после всех своих разъездов. Моя диджей Эмили говорит, что ничего не бывает просто так. Повторяет это как мантру. Я никогда не ведусь на всю эту хуйню про силы космоса. Но теперь думаю: «А может, она права?» Может, я должен был наткнуться на Франко, чтобы вернуть ему долг? Облегчить душу? Двигаться дальше? Как ни крути, он именно так и поступил, а это я, блядь, застрял.

Викки уже села на кушетку рядом со мной. Она потягивается, как кошечка, потом скидывает туфли и подбирает под себя загорелые ноги, расправляя юбку. Кровь приливает у меня от головы к мудям. Ей тридцать семь, и, насколько я могу судить, она ведет приличную жизнь.

Вокруг нее крутилась пара штук мудозвонов, и она разбила сердца нескольким додикам. Сейчас у нее огонь в глазах, а сжатые челюсти как бы говорят: «Пора посерьезнеть. Гадь или слезай с горшка».

– Думаешь, нам пора... э... перейти на новый уровень? – спрашиваю.

Глаза у нее узкие и зоркие, и она касается выгоревших на солнце каштановых волос, отброшенных назад со лба.

– Думаю, да, – говорит она, стараясь быть сексуальной, и у нее получается.

После первого переписки нам обоим наконец-то полегчало. Все было выше всяких похвал и должно пойти дальше как по маслу. Я всегда фанател от того, как если на кого-то западаешь, то без одежды человек выглядит даже лучше, чем ты себе нафантазировал. Но на следующий день она рано уходит на работу, а мне надо садиться на самолет до Барселоны. Сам по себе сейшен не такой уж и важный, но он проходит в ночном клубе, который продвигает чел, чё мутит там фестиваль «Сонар». Мы договорились об участии в фесте, подписавшись на это рождественское шоу. Кто знает, когда мы с Викторией затусим снова. Но улетаю я довольный: есть что вспомнить и, возможно, есть ради чего вернуться. А такого давно уже не было.

В общем, сию и лечу на восток – пугающий восток. Для этого принципиально нужен бизнес-класс. Мне надо лежать пластом, но стюардесса предлагает классное французское вино из своего ассортимента, и не успеваю я опомниться, как уже снова в говно на высоте. Мысли только о том, чтоб кокса занюхать. Ограничиваюсь пока амбиеном.

Да, она стала до неприличия моднявой. Угу, ее сгубило бабло. По-любому ее колонизировали ебучие космополиты, которые тащатся от платежеспособности и забивают на индивидуальность: их безрадостный смех из баров и кафешек разносится эхом по узким улочкам. Но, несмотря на все эти оговорки, простой факт остается фактом: если ты не любишь Барселону, значит ты хуйло и полностью потерян для человечества.

Я знаю: во мне еще бьется какой-никакой пульс, потому что я ее люблю. Даже када силось не закрывать глаза, чтобы миня не зашвырнуло обратно в пекло потного ночного клуба, из которого я либо только что вышел, либо туда чешу. В голове постоянно лупит четырехтактный бит, хотя таксист крутит дребезжащий латиноамериканский музон. Вываливаюсь из таксо, чуть не падая с ног от усталости. Вытаскиваю свой чемодан на колесиках из багажника и насилиу заползаю в отель. Регистрация проходит быстро, но мне кажется вечностью. С тяжелым вздохом выпускаю воздух из легких, чтобы поторопить администратора. Очкую того, чё прямо шас зарулит кто-то с моих диджеев или промоутер и захочет *поговорить*. Пластиковая карточка для входа в мой номер выдана. Кое-какие замечания насчет вай-фая и завтрака. Залезаю в лифт. Мигающая зеленая лампочка в замке заверяет, что ключ фурычит: «Слава яйцам». Я внутри. На кровати.

Не знаю, сколько я был в отключке. Но телефон в номере будит меня своей громкой отрывкой. Мысленно путешествую с каждым сигналом, и паузы такие долгие, что всякий раз появляется надежда: этот был последним. Потом... это Конрад. Прибыл мой самый выежистый клиент. Привожу кости в вертикальное положение.

Как бы мне хотелось вернуться в Л.-А. или Амстердам – по барабану – и зырить «Поп-идола» и чтобы ко мне прижималась Викки, но сейчас я в этом барселонском отеле, я трясущееся месиво из джетлага и снежка и почти доволен, что мой ай-кью постепенно снижается, а пульс растет. Я в баре с Карлом, Конрадом и Мигелем, промоутером из «Ницы» – клубешника, где мы играем. Слава богу, он умница. Входит Эмили. Она не хочет садиться с нами, демонстративно стоит возле стойки и играет с мобилой. Это такая заява: я должен встать и подойти к ней.

– Этих мудозвонов из своего мальчикового клуба пристроил, а про меня забыл?

В моей работе меня мало чего напрягает. Если надо подогнать диджею проституткок, мой нравственный компас уже не испытывает никаких угрызений. Но если диджей – молодая баба, которая ищет себе другую молодую бабу, это уже выходит за рамки моей компетенции и зоны комфорта.

– Послушай, Эмили...

– Называй меня диджей Ночное Видение!

Как реагировать, когда молодая девица с волнистыми темными волосами, родинкой на подбородке и большими, как бассейны, глазами смотрит на тебя, точно и правда обладает ночным зрением? Она раз сказала, что мать у нее была цыганка. Я удивился, потому как знаком с ее папулей Микки, который с виду ну чисто из Лиги английской обороны². Своему погонялу она придает дофига значения, поскольку слышала, как я называл Карла «ЭН-СИН», а Конрада – «Техноботан».

– Послушай, диджей Ночное Видение, ты красивая женщина. Любой чувак, – сразу поправляю себя, – в смысле, девушка или вообще *человек*, если только он в здравом уме, захотел бы с тобой переспать. Но если ты трахаешь каких-то шалав с намазанными губами и на шпильках, от этого пиздец как харит, когда я найтую в соседнем номере наедине с классной книжкой. А потом будет харить уже тибя, када придется врать Старр.

Старр, подружка Эмили, – отпадная высокая студентка-медичка с волосами цвета воронова крыла. Можно подумать, таким девицам не изменяют, но нет таких красоток, которых не постигла бы эта участь. Хелена, бывшая Карла, – просто огонь, что не мешает этому стремноватому альбиносищу со Стенхауса пердолить все, что ему лыбится. Эмили откидывает волосы с глаз и отшатывается назад на каблуках, поглядывая на парней. Карл бодрячком, жестикулирует и спорит с Мигелем: голос у него резкий, подогретый наркотой. Пиздец надеюсь, чё мудак не заперет этот сейшен. Конрад смотрит с таким отрешенным типа весельем, запихивая себе в пасть дармовые орешки. Эмили поворачивается ко мне, голос у нее грубый и низкий:

– Тебе на меня не пофиг, Марк?

– Ну конечно, зая, ты же мне как дочь, – дурковато говорю я.

– Ага, только я зарабатываю для тебя деньги, а не заставляю платить за колледж, да?

Вообще-то, Эмили Бейкер, или Ночное Видение, зарабатывает для меня не так уж много денег. За несколькими заметными исключениями, у женщин-диджеев дела идут неважнецки. Еще когда у меня был свой клуб, я ангажировал Лизу Громкую, Конни Плавную, Марину ван Рой, Маргаритку, Принцессу Джулию и Нэнси Шум, но на каждую из них были еще десятки других, кого стоило бы ангажировать, однако их не приглашали. У женщин-диджеев нередко классный вкус, и ставят они клевый, правильный хаус, который меня прикалывает. Но обычно они не такие обсессивно-компульсивные, как мужики. Короче, у них есть своя жизнь. А даже если нет, их все равно трудно раскрутить, ведь индустрия безнадежно сексистская. Если они не красотки, промоутеры не принимают их всерьез и игнорят. А если они красотки, промоутеры не принимают их всерьез и клеят.

Впрочем, я не собираюсь поминать трек или студию, иначе Эмили заведется. Студия крутая, но Эмили ей не доверяет, и я ж не могу учить кого-то жизни. С диджеями у меня больше головняка, чем с собственным сыном, – разница тока в том, что он мне, по сути, без разницы. Когда я говорю людям, чем занимаюсь по жизни, ебанатам это кажется чем-то гламурным. Ну не пиздец ли? Меня зовут Марк Рентон, и я шотландец, который живет между Голландией и Америкой. Большую часть жизни провожу в отелях, аэропортах, на телефонах и в электронке. У меня примерно 24 000 долларов на счету «Ситибанка» в США, 157 000 евро в «АБН АМРО» в Нидерландах и 328 фунтов в банке «Клайдсдейл» в Шотландии. Если я не

² Лига английской обороны (English Defence League, с 2009) – британская ультраправая исламофобская организация, активно проводила протестные демонстрации в 2009–2011 гг., впоследствии захирела.

в отеле, моя голова лежит на подушке в квартире с видом на канал в Амстердаме или в кондоминиуме без балкона в Санта-Монике, в добром получасе ходьбы от океана. Это, конечно, лучше, чем сидеть на пособии, расставлять товар на полках в супермаркете, выгуливать цуцика какого-то богатого мудилы или мыть жопу какому-нибудь слюнявому пиздюку, но все равно не бог весть что. Только в последние года три я начал поднимать серьезные бабки, после того как Конрад раскрутился.

Мы слегонца нюхнули в отеле и добираемся до клуба на таксо. Конрад редко выступает по коксу или ешкам, но траву курит тоннами и жрет, как кобыла с пивными титьками. Еще у него нарколепсия, и он забылся привычным глубоким сном в прихожей рядом с гримеркой, а место там людное – полно директоров диджеев, журналюг и тусовщиков. Я чешу с Мигелем в бар, чтобы обсудить дела, а когда минут через сорок прихожу проверить своего суперзвездного диджея, с ним уже что-то не так.

Он еще в отрубе, лежит на боку, сложив руки, но... ко лбу что-то приклеено.

Это... да это ж ебаный дилдо!

Осторожно тяну, но самотык пристал намертво. Веки Конрада шевелятся, но остаются закрытыми, и он негромко ворчит. Отпускаю.

«Блядь! Какой еще пиздюк...»

Карл! Но он в аппаратной для диджеев. Чешу обратно в гримерку, где Мигель беседует с Эмили, которая готовится выступить.

– Кто, блядь... вон, у него на башке, – показываю, и Мигель идет проверить, а Эмили пофигистично пожимает плечами. – Карл... Вот пиздюк...

Влетаю в аппаратную, пока Карл заканчивает работать перед отморозенной публикой на танцполе, занятом всего на четверть. У моего плеча появляется Эмили, готовая его заменить.

– Суда иди, хуйло, – хватаю его за руку.

– Чё за нах...

Тащу его из аппаратной через гримерку в прихожую и тычу пальцем в дрыхнувшего голландца с самотыком на башке:

– Твоих рук дело?

Мигель стоит тут же, оторопело вылупившись на нас. Карл ржет и шлепает каталонского промоутера по спине. Мигель нервно фыркает и разводит руками:

– Я ничего не видел!

– Кажись, у тебя очередная сложная управленческая проблема, бро, – ухмыляется Карл. – Я почесал на танцпол. Там была одна знойная кисуля, я с ней все время переглядывался. Можно бы ей подсунуть. Короче, не жди меня. – Он пихает миня в руку, а потом трясет Конрада за плечо: – Подъем, залупоголовый голландский наркoлыга!

Конрад не открывает глаз. Просто переворачивается на спину, и дилдо торчит вверх. Карл уходит, оставляя меня разгребать эту ебаную жесь. Поворачиваюсь к Мигелю:

– Каким хуем суперклея удаляют?

– Не знаю, – признается он.

Хреново. Всегда чувствовал: еще чуть-чуть, и Конрада я потеряю. Крупные компании давно подбивают клинья. Ему голову вскружит. Это уже случилось с Иваном, бельгийским диджеем, которого я раскрутил, а пиздюк переметнулся, как только потекли отчисления. Я не могу допустить, чтобы с Конрадом произошло то же самое, хоть и чую неизбежное.

Наблюдая, как он кемарит, достаю свой «мак» и разбираю пару мейлов. Он еще в отключке, когда я смотрю на часы, – Эмили скоро заканчивает свой сет, и я трясую его:

– Корешок, пора отжигать.

Он моргает и просыпается. Глаза у него закатываются: периферическим зрением он замечает вверху что-то расплывчатое. Трогает лоб. Дергает за хуй. Больно.

– Ай... что это?

– Какой-то пиздюк... наверно, Юарт, хуйней страдает, – говорю ему, делая вид, что не придаю этому значения.

Заходит Мигель. Звукореж орет, что Конрад на очереди.

– Скажи Ночному Видению, чтоб держала пока оборону, – говорю и тяну за самотык. Тот словно растет у Конрада из головы.

Мигель наблюдает с растущим беспокойством и говорит гробовым голосом:

– Придется отвезти его в больницу, чтобы это убрать!

Руки у меня не такие уж умелые, и Конрад взывает:

– Стой! Ты что, блядь, делаешь?

– Извини. После твоего сета, кор, рулим прямо в травмпункт.

Конрад садится, вскакивает, бросается к зеркалу на стене.

– Что... – Тянет пальцами за фаллос и визжит от боли. – КТО ЭТО СДЕЛАЛ? ГДЕ ЮАРТ?

– За пелотками охотится, братан, – робко предполагаю я.

Конрад с опаской ощупывает и тянет одутловатыми пальцами за член.

– Это не прикольно! Я не могу так идти! Надо мной будут смеяться!

– Ты должен играть, – напоминает Мигель, – у нас договоренность. «Сонар». Это указано в контракте.

– Конни, – умоляю, – выручай нас!

– Я не могу! Мне нужно это снять! – Он снова дергает и вопит, скорчив лицо от боли.

Становлюсь за ним, положив руки на его большие плечи.

– Не надо, с мясом оторвешь... Пожалуйста, кор, выйди, – упрашиваю. – Присвой это себе. Пусть это будет твоей хохмой.

Развернувшись, Конрад вырывается у меня из рук и, пыхтя, как скороварка, смотрит на меня с чистой, искренней ненавистью. Но он уходит со своим огромным хером во главе и бодро становится за пульта под аплодисменты и вспышки мобильных камер. Пухлик – молодец: он качает головой, и член болтается туда-сюда под взбудораженные крики с танцпола.

Эмили отступает и прыскает в руку:

– Прикол, Марк.

– Нихуя это не прикол, – заявляю, хотя сам тоже смеюсь. – Теперь попрекам не будет конца и краю. Он заставит меня заплатить моей кровью, потом и слезами. Я рассчитывал, что он поможет мне раскрутить тебя и Карла, но теперь он уже классно не сыграет!

– Ничего не бывает просто так.

Еще как, нахуй, бывает. Хотя надо отдать Конраду должное: он умело скрывает огорчку. На припеве своего хита «На седьмом небе» с рефреном «Сексо-сексо-пилка» он как бы дробит болт под громкие чмаки и орет в микрофон:

– Обошаю хаус-муззик! Это полное мозгоебство!

Сейшен офигенный, но когда он заканчивается, Конрад, ясный перец, снова впадает в детскую депру. Мы отвозим его в больницу, где его смазывают каким-то раствором и довольно легко отклеивают и снимают самотык. Медсестра вытирает губкой остатки клея со лба, но Конрад все равно смурной.

– Твой дружок Юарт пытается вернуться на сцену за счет моей репутации. Нифига не выйдет! Я стал посмешищем. Это уже во всех соцсетях!

Он показывает мне «Твиттер» на своем телефоне. Повсюду мелькает хэштег *#долбоеб*.

Следующее утро начинается с привычного расшатанного подъема перед новым полетом – на этот раз в Эдинбург. Благожелательная статья, которую я надыбал в сети, поднимает мне настроение. Ее написал влиятельный журналист по танцевальной музыке, который был на сейшене. Показываю Конраду, он читает, вылупив глаза, и откуда-то из глубины его груди доносится одышливое урчание.

Многие современные диджеи – мрачные зануды, скучные технари с нулевой индивидуальностью. Разумеется, Техноботана нельзя отнести к этой категории. Он не только отыграл мощнейший сет в барселонском клубе «Ницца», блеснув по сравнению с отсталым ветераном N-SIGN, который выступал перед ним, но также проявил роскошное легкомыслие и попал в самое яблочко, щегольнув качающимся пенисом, торчавшим у него изо лба!

– Вот видишь? Ты присвоил эту хуйню, – говорю с лишь отчасти наигранным азартом, – и присвоил эту ебаную толпу. Это была безупречная демонстрация развлекательной сути танцевальной музыки: с мелодиями идеально сочетались юмор и остроумие...

– Да, присвоил. – Конрад бьет кулаками по своим толстым сиськам и поворачивается через проход к Карлу: – А еще я присвоил его уставшую старую бывшую задницу.

Карл, с дичайшего бодуна, высовывает голову в окно и тяжело вздыхает.

Конрад приваливается ко мне и искренне говорит:

– Ты сказал «безупречное выступление»... ты именно это слово употребил – «безупречное». Но оно же подразумевает, что это было просто дело техники. Это было наигранно, в этом не было души. Ты *это* имел в виду, да?

«Ебанный рот, ну за что ж мне такая жизнь?..»

– Нет, братан, душа там перла из всех щелей. И это не было наигранно, это была диаметрально противоположность. Как оно могло быть наигранным, – тычу пальцем в уже дрыхнувшего Юарта, – если с тобой такое сделал вот этот вот пиздюк? Это вынудило тебя копнуть глубже, – хлопаю Конрада по груди, – и ты придумал именно то, что, блядь, надо. Пиздец как горжусь тобой, кор, – говорю, выжидая реакции у него на лице.

Довольный кивок – признак того, что все путем.

– В Эдинбурге же хорошие шотландские пелотки?

– Город славится самыми сногшибательными красотками в мире, – заливаю я. – Там есть местечко под названием «Стандард-лайф» – даже не спрашивай, братан.

Он заинтригованно выгибает брови:

– «Стандард-лайф»? Это клуб такой?

– Скорее состояние души.

Когда приземляемся, внимательно изучаю мейлы, эсэмэски, наспех отвечаю на некоторые, собираю до кучи диджеев и, как зомби, регистрируюсь в очередном отеле. Отправляю диджеев спать и, прикорнув немного сам, выхожу побродить по Лит-уок, где стоит мрачный холод, обжигающий после калифорнийского, да и каталонского солнца. Но впервые за десятки лет я иду уверенным шагом, больше не парясь, что могу напороться на Бегби.

Как ни странно, некоторые отрезки бульвара разбитых надежд не слишком-то и отличаются от тех мест Барселоны, откуда я только что свалил: подмарафеченные старые пабы, кругом студенты, обшарпанные жилые дома, похожие на дешевые вставные зубы в просветах между многоквартирками, прикольные кафешки, едальни всех вкусов и направлений. Все это комфортно уживается с кучей до боли привычного: смутно знакомый чмырь с бычком в зубах возле «Альгамбры» ехидно на меня пялится, но это почему-то успокаивает.

На батину хату у реки. Я прожил там пару лет, после того как мы переехали с Форта, но никогда не чувствовал себя там дома. Сами знаете, превращаешься в пиздюка без собственной жизни, твоей вонючей жопой владеет поздний капитализм, а такие вот моменты становятся в напряг, и ты без конца проверяешь на трубе мейлы и эсэмэски. Я вместе с батей, своей невесткой Шерон, своей племянницей Мариной и ее грудными близняшками Эрлом и Уайатом, которые выглядят совершенно одинаково, хотя характеры у них и разные. Шерон раскабанела. Сейчас все в Шотландии кажутся жирнее. Теребя сережку, она извиняется, что они живут в комнатах для гостей, а я в гостинице. Я говорю, что меня не парит: для моей каприз-

ной спины необходим специальный матрас. Объясняю, что номер в отеле входит в деловые расходы: мои диджеи играют в городе сейшена. Работяги редко догоняют, что обычно богатые хорошо кушают, спят и путешествуют опять-таки за их счет – путем налоговых вычетов. Не сказать, что я богач, но все же втерся в этот мир – в третий класс той кормушки, что наживается на бедноте. В Нидерландах я официально плачу больше налогов, чем платил бы в Штатах, но лучше отдавать бабки голландцам на строительство дамб, чем пиндосам – на производство бомб.

После обеда, приготовленного Шерон и Мариной, оттягиваемся в этой уютной тесной комнатке, и пьется очень хорошо. У старикана пока еще приличная осанка, плечи широкие, хотя слегка и сутулые, и незаметно, чтобы мышцы чересчур усохли. Он уже в том возрасте, когда вообще ничего не удивляет. Его политические взгляды сместились вправо – в таком ноющем старперско-ностальгическом, а не яро-принципиальном реакционном изводе, но все равно это плачевное состояние для бывшего члена профсоюза, которое указывает на глубокий экзистенциальный кризис. Это утеkanie надежды, мечтаний, стремления изменить мир и замена их пустой злобой – верный признак того, что ты медленно умираешь. Но он хотя бы пожил: нет ничего хуже, чем иметь такие политические убеждения еще в юности, как если бы эта важнейшая часть твоей личности была мертворожденной. Невеселый блеск у него в глазах говорит о том, что ему не дает покоя тоскливая мысль.

– Вспоминаю папку твоего, – говорит он Марине, имея в виду моего брата Билли, которого та никогда не видела.

– Ну началось, – смеется Марина, но ей нравится слышать про Билли.

Даже мне нравится. За все эти годы я научился представлять его преданным, надежным старшим братом, а не буйным чморящим солдафоном, хотя такой его образ долго у меня преобладал. Лишь позднее до меня дошло, что эти состояния друг друга дополняли. Но смерть нередко выводит хорошие качества на передний план.

– Помню, после того как он погиб, – говорит батя, и когда он поворачивается ко мне, голос у него дрожит, – твоя маманя с окна выглянула. Он как раз домой на побывку прибыл и в те ж выходные вернулся. Его одежды еще сушились – все, кроме джинс, «ливайсов» его. Какая-то сволочь паршивая, – он не то смеется, не то хмурится, все еще злясь спустя все эти годы, – с веревки их стыбила.

– Это были его любимые джинсы. – Мое лицо расплывается в натянутой улыбке, когда я смотрю на Шерон. – Он считал, что немного похож в них на того поца с рекламы, который снимает их в прачечной и кладет в стиралку-сушилку. Потом знаменитостью стал.

– Ник Кеймен! – радостно вскрикивает Шерон.

– А кто это? – спрашивает Марина.

– Ты не в курсах, тебя еще не было.

Батя смотрит на нас, слегка дуясь на нашу легкомысленную вставку:

– Кэти так переживала, что даж его любимых джинс не осталось. Бегала наверх к нему в комнату и все его одежды на кровать вылаживала. Месяцами с рук их не выпускала. Я тада их в секонд-хенд снес, а она так потом расстроилась, как узнала, что нету их. – Его душат слезы, и Марина хватает его за руку. – Так меня за это и не простила.

– Попустись ты, старой придурок с Глазго, – говорю ему. – Простила она тебя, простила!

Он вымучивает улыбку. Базар переходит на похороны Билли, и мы с Шерон виновато смотрим друг на друга. Стремно вспоминать, как я трахал ее в тубзике после этого смурного мероприятия, а внутри у нее уже была неродившаяся Марина, которая теперь сидит и успокаивает батяню вместе со своей собственной детворой. Теперь я бы это классифицировал как дурное поведение.

Батя поворачивается ко мне и говорит осуждающим тоном:

– Хорошо было б и с мальцом повидаться.

– Алекс, ну, это просто невозможно было, – размышляю вслух.

– *Как* там Алекс, Марк?

Она так толком и не узнала своего кузенчика. И снова я виноват.

– Он должен быть тут – он такая ж часть нашей семьи, как и любой с нас, – задиристо ворчит батя с таким лицом типа «ща как уебу». Но мне и без ниво хреново с этой темы.

– Па, – мягко упрекает Шерон.

Она называет его так чаще меня, хоть сама и невестка, – и с ббльшим на то основанием.

– Ну и как элитная жизнь, Марк? – Марина меняет тему. – Встречаешься с кем-то?

– Больно ты любопытная! – говорит Шерон.

– Я никогда о своих шурах-мурах не треплюсь, – говорю и восхитительно смущаюсь, как школота прям, когда вспоминаю за Викки. Теперь я уже сам переключаюсь на другую волну и киваю старику: – Я рассказывал, что мы опять с Фрэнком Бегби корешимся?

– Слыхал, у него все путем с этим художеством, – говорит батя. – Говорят, он щас там в Калифорнии. Прально, кстати, сделал. Тут у него никого, кроме врагов, не осталось.

2

Полицейский харассмент

«Довольно милый домишко», – признает он. Такой средиземноморский лощено-антикварный вид, как у многих домов в Санта-Барбаре, с архитектурой в испанском колониальном стиле, красной черепицей на крыше и беленым двором, заросшим ползучей бугенвиллеей. Становится все жарче, бриз с океана затих, а солнце над головой печет в затылок: верх на каб-риолете откинут. Но еще больше Гарри мучает то, что он ведет слежку без полицейской бляхи. Густой комок извечной желудочной кислоты вот-вот поднимется и обожжет пищевод, хоть он и принял эту гадость, что отпускают в аптеке без рецепта. Временно отстранен, грядет разбирательство. «Что это, блядь, вообще значило? Эти мудилы из ОВР³ вообще собираются расследование проводить?» Гарри околачивается у заброшенного дома Фрэнсисов в этом тихом тупике в Санта-Барбаре уже много месяцев, опасаясь, что убийца, с которым живет Мелани, сделал что-нибудь с ней и их детьми, как он наверняка поступил с теми бомжами Сантьяго и Кувером.

Неплохое местечко для наблюдения: сужающаяся улица на повороте с хайвея, недалеко от тесного перекрестка, а затем съезд на фривей. Выбрав это место, они, наверное, посчитали себя очень умными. Гарри беззвучно усмехается, а влажная рука оставляет мокрый след на кожаном руле, который он крепко сжимает, хотя машина уже давно стоит без движения. «Близко к центру, доступ к шоссе».

«Засранцы».

Долгое время в его поле зрения попадала лишь пара из соседнего дома. У них собака – такая большая японская помесь. Иногда мама Мелани – он помнит ее по школьной поре, такая же красотка, как ее стерва-дочь, – заезжает, чтобы забрать почту. Сейчас она уже бабуля, ее светлые волосы становятся пепельно-серыми, да вдобавок очки в серебристой оправе. Ей можно еще вдуть, если повезет? Черт, ну конечно, Гарри с радостью дал бы старушке на пробу свой хер. Но не она его мишень. Не она и не две маленькие внучки, которых оставили ей Мелани и убийца и за которыми она теперь присматривает.

Кажется, прошла целая вечность, хотя, наверное, всего пара дней, и внезапно, как-то ближе к вечеру, Мелани возвращается. Машина тормозит, а вот и они: ее маленькие дочурки – старшая немногим моложе, чем была сама Мелани, когда Гарри впервые ее встретил... а вот и он... выродок, за которого она вышла.

Гарри потирает щетину на лице, поворачивает зеркало заднего вида, чтобы не пропустить, если кто-то или что-то появится из-за угла у него за спиной, на этой тихой улице с деревьями по бокам. Подумать только: он когда-то равнялся на Мелани, считал ее сильной, умной и доброй. Но он ошибался: она слабая, сбита с толку собственной самодовольной либеральной херью – легкая добыча для этого зверюги. Гарри так и видит его перед собой, с этим его странноватым грубым голосом, как он по-блатному ее облапошивает, дурит на голубом глазу, – типичный выходец из низов. Но возможно, она просто ослеплена. И если так, Гарри обязан помочь ей прозреть.

Он наблюдает, как старый убанский «Патрик» помогает обеим дочкам выйти из универсала и проводит их в дом. Как мерзко он озирается, обводя взглядом улицу. Мразь, мразь, мразь. «Ох, Мел, что ж ты, блядь, творишь-то?» Она работала с убийцей в ирландской тюрьме (или шотландской? Да какая, нахуй, разница!), где он впервые ее и развел. Она уже тогда знала,

³ Отдел внутренних расследований.

что он убийца! Она что, и впрямь рассчитывала, что он изменится? Как же она не видит его насквозь?

Те двое бродяг... От Кувера никаких следов, – вероятно, вода и рыбы упражняются сейчас над его трупом. Хрен с ним. Но второй, Сантьяго, зацепился за нефтяную платформу, и, несмотря на разможенное лицо и огнестрельное ранение, его еще легко было опознать. Пулю извлекли, подписали и спрятали в хранилище вещдоков. Она могла бы привести к так и не найденному оружию. Но сам Гарри больше не занимается этим делом (как и *любым другим*), а всем остальным глубоко насрать.

Затем Мелани появляется снова – в синей толстовке, кроссовках и шортах. Вышла на пробежку? Нет. Она садится в машину. Одна. Пользуясь случаем, Гарри ждет, пока она проедет мимо, а затем трогается и сидит у нее на хвосте до самого торгового центра. Это хорошо. Место общественное: о его мотивах она не догадается.

Он заходит вслед за ней внутрь, прошмыгивает мимо, а затем останавливается и поворачивает обратно, чтобы как бы случайно с ней столкнуться. Видя, как он подходит, расплываясь в улыбке узнавания, она демонстративно отворачивается. Это хреново. Даже после всего, что случилось, после того звонка по пьяни, он не ожидал такого вопиющего игнора. Он должен что-то сказать.

– Мелани, – умоляет он, шагая к ней и разводя руки. – Мне нужно извиниться. Я совершил страшную ошибку.

Она останавливается. С опаской смотрит на него, сложив руки на груди:

– Хорошо. И покончим с этим.

Гарри медленно кивает. Он знает, что с ней прокатит.

– Я лечился от алкогольной зависимости и регулярно посещаю собрания. Мне важно загладить вину. Можно угостить тебя кофе? Ну пожалуйста! Для меня это так много значит.

Тон у него умоляющий и взволнованный. «Либералам нравится слышать, что люди по природе хорошие и стараются стать лучше. Почему бы и мне не развести ее так же, как этот психованный сраный зэк, за которого она вышла?»

Мелани откидывает волосы назад, вздыхает и устало указывает в сторону фуд-корта. Они направляются туда и находят места в «Старбаксе», неподалеку от стойки. Пока Гарри становится в очередь и заказывает два латте с обезжиренным молоком, Мелани говорит по телефону. Он прислушивается. Она говорит о нем? Нет, похоже на безобидные банальности, которыми обмениваются с подругой. «Да, вернулись... Девочки нормально... Да, Джим тоже. По-моему, нам обоим полезно было вырваться. Весь прошлый год налаживали отношения с родней... Сицилия чудесная. Еда... мне пора в спортзал, причем срочно!»

Гарри ставит оба кофе на стол, пододвигает один ей и садится напротив. Мелани берет свою чашку, опасливо отпивает, бормочет какую-то благодарность. Телефон лежит перед ней на столе. Тут нужен осторожный подход. Наверное, у нее сохранилась запись сообщения, оставленного прошлым летом, когда Гарри был пьяным, безмозглым и слабым. Хитрый выродок, за которого она вышла, об этом наверняка позаботился. Но Мелани должна знать, что зацепилась за убийцу-психопата. И Гарри это докажет. Он объяснит, что Джим Фрэнсис убил тех двоих.

Поначалу они любезно беседуют об учебе в колледже и школьных годах, вспоминают общих знакомых. Все идет гладко, кажется Гарри, прямо по методичке для копов о межличностных отношениях. «Акцентируйте нормальность. Войдите в доверие». И похоже, это работает. Черт, Гарри даже вытягивает из Мелани улыбку, пересказывая историю об одном их приятеле. Гарри это, как всегда, возбуждает. Позволяет на миг представить, как все могло бы быть. Поэтому он говорит немного о себе. О том, что мама недолго протянула после смерти отца, как бы просто сдалась. О том, что он унаследовал прекрасный старый дом в лесу. Слегка на отшибе, но для Гарри это не важно. Однако затем что-то идет не так. Внезапно всплывает та

часть его натуры, что отчаянно хочет быть с Мелани, в этом доме, и Гарри слишком резко перескакивает на другую тему. Не может сдержаться. Не может скрыть в себе копа.

– У тебя крупные неприятности, Мелани. – Он серьезно и натянуто качает головой. – Ты не знаешь, что за человек Джим!

Мелани закатывает глаза, берет телефон и кладет обратно в сумочку. Смотрит на Гарри невозмутимо и говорит медленно, размеренным тоном:

– Отвали от нас нахер. От меня, моего мужа и наших детей. – Она повышает голос, призывая ближайших посетителей в свидетели этой сцены: – Тебя предупредили!

Гарри втягивает воздух, потрясенный глубиной ее отвращения.

– Меня отстранили от работы. Я потерял все, но я никогда ему не позволю тебе навредить!

– Мне вредит не Джим, а ты! Я сказала: подойдешь еще хоть раз – подам официальную жалобу, через адвоката, и отправлю в твой отдел копию записи. – Мелани встает, забрасывая сумочку на плечо. – Так что держись подальше от моей семьи!

Гарри надувает губы, нижняя непроизвольно дрожит, но затем он отворачивается и видит перед собой двух женщин, которые их подслушивали.

– Дамы, – язвительно приветствует он, замедленно закипая.

После чего отпивает латте и в отчаянии смотрит на след помады на краю другой чашки. Как будто оставлен призраком, за которым Гарри гонялся большую часть жизни. Разумеется, когда он оборачивается, Мелани уже нет – растворилась в толпе покупателей. Гарри даже не верится, что она вообще сидела так близко.

Вернувшись домой, Мелани застаёт Джима на кухне – тот готовит сэндвич. Это замысловатое многослойное блюдо, куда входят нежирная грудка индейки, ломтики авокадо, помидоры и швейцарский сыр. Способность мужа целиком погружаться в самые земные и самые сложные дела никогда не переставала ее изумлять. Спокойная самоотдача, с которой он подходит ко всему на свете. В окно Мелани замечает, как девочки играют во дворе с новым щенком, – его не видно, но она слышит радостный лай. Джим поднимает на нее глаза и улыбается. Улыбка сползает, стоит ему почувствовать: что-то не так.

– Что такое, милая?

Мелани выпрямляет руки и, вцепившись в кухонную стойку, выгибает спину, чтобы снять напряжение.

– Гарри. Столкнулась с ним в торговом центре. Подозреваю, что он это подстроил. Поначалу деликатно извинялся, и я выпила с ним кофе в «Старбаксе». Но потом снова понес свою бредятину, мол, ты убил тех двух парней на пляже! Пригрозила ему записью, и он отвалил.

Джим делает глубокий вдох:

– Если это повторится, возможно, придется принять меры. Обратиться к адвокату и подать на него в суд за харассмент.

– Джим, ты иностранный гражданин, и у тебя есть судимости. – Мелани хмуро смотрит на него. – Власть ведь не знает об этой стороне твоей жизни.

– Эти двое... я взорвал их фургон...

– Если все это всплывет, тебя могут депортировать.

– В Шотландию? – Джим вдруг усмехается. – Я не переживу, если девочки будут говорить так же, как я!

– Джим...

Джим Фрэнсис шагает к Мелани, заполняя пустоту между ними, обнимает жену. Через ее плечо он видит, как их дочки играют с Созе, недавно купленным французским бульдогом.

– Тс-с, все нормально, – воркует Джим, успокаивая не только ее, но и себя. – Мы все разурлим. Давай просто отмечать Рождество.

«Рождество под лучами солнца»⁴, – думает он, затем вспоминает Эдинбург, и по спине пробегает призрачный холодок.

⁴ «Рождество под лучами солнца» («Christmas in the Sun», 2009) – сингл австралийского артиста Рольфа Харриса и участника группы *Status Quo* Рика Парфитта; песня написана ими совместно с Хэлом Шейпером и другим членом *Status Quo* Энди Бауном.

3

Тиндер-шминдер

Юэн Маккоркиндейл рассматривает себя в зеркале ванной. Ему больше нравится то, что он видит, снимая очки: черты становятся расплывчатыми, и это радует. Пятьдесят лет. Пол-столетия. И куда все это ушло? Он снова надевает очки и рассматривает голову, все больше напоминающую голый череп, со стриженной под машинку серебристой щетиной на макушке. Затем Юэн смотрит на свои босые ступни – розовые полосы на подогретом черном кафельном полу. В этом и состоит его работа – так другие изучают лица. Сколько стоп перевидал он за свою жизнь? Тысячи. Возможно, даже сотни тысяч. Плоские, вывернутые, поломанные, раздробленные, расплюснутые, обожженные, рубцеватые, ямчатые, инфицированные. Но у него не такие: его ступни сохранились лучше, чем остальные части тела.

Выйдя из ванной в спальню, Юэн быстро одевается, слегка завидуя еще спящей жене. Карлотта почти на десять лет моложе и хорошо справляется со средним возрастом. Около тридцати пяти ее разнесло, и Юэн втайне мечтал, что от матери ей достанется немного обивочной мягкости: ему нравятся женщины, склонные к полноте. Но затем жесткий режим с диетой и спортзалом словно вернул Карлотту обратно во времени: она не только приблизилась к своему девичьему облику, но в некотором роде даже превзошла его. Когда они с Юэном только начали встречаться, у нее и близко не было таких мускулов, а йога наделила ее гибкостью и амплитудой движений, ранее для нее недоступными. Сейчас в Юэне резко пробуждается гнетущее чувство, которое, как он надеялся, с возрастом полностью угаснет, а именно: в этих отношениях он всячески пытается прыгнуть выше головы.

Впрочем, Юэн – преданный муж и отец, который ведет супружескую жизнь, с радостью потакая жене и сыну. В первую очередь это касается Рождества. Он обожает итальянскую светскую расточительность Карлотты и никому бы не пожелал собственного спартанского прошлого. В «малой свободной»⁵ семье день рождения, пришедшийся на сочельник, был залогом нужды и беспризорности. Но для Юэна удовольствие от праздников обычно ограничивается Карлоттой и Россом. Его добродушие склонно рассеиваться, когда в эту смесь добавляются другие, а завтра он устраивает рождественский ужин для жениной родни. Карлоттина мать Эвита, сестра Луиза, муж Лу Джерри и детишки – с ними все хорошо. Но вот в ее брате Саймоне, что руководит сомнительным эскортным агентством в Лондоне, Юэн уверен гораздо меньше.

Слава богу, Росс и сын Саймона Бен, кажется, ладят между собой. Тоже неплохо. В последние два дня Саймон появлялся редко. Приехав из Лондона вместе с Беном, Саймон беспардонно свалил бедного молодого человека на них, а сам куда-то смылся. Ну так, вообще-то, не делают. Недаром же Бен – такой смирный паренек.

Юэн находит Росса на кухне: еще в пижаме и халате, тот сидит за столом и играет в игру на своем айпаде.

– С добрым утром, сынок.

– С добрым утром, пап.

Росс поднимает голову, выпячивая нижнюю губу. «Никаких тебе сднемрождений. Ну да ладно». У сына явно на уме что-то другое.

– А Бен где?

– Спит еще.

– У вас все нормально, ребята?

⁵ «Маленькие свободные» – прозвище прихожан Свободной пресвитерианской церкви Шотландии.

Сын корчит гримасу, смысл которой Юэн не может понять, и захлопывает айпад.

– Угу... просто... – И тут Росс вдруг взрывается: – У миня никада не будет подружки! Я так и останусь до смерти девственником!

Юэн морщится. «Боже, он же спит в одной спальне с Беном. Бен – славный парень, но он старше, и он все-таки сын Саймона».

– Бен дразнит тебя из-за девочек?

– При чем тут Бен? В школе все кругом. У них у всех подружки есть.

– Сынок, тебе же пятнадцать. Все еще впереди.

Росс пристально разглядывает отца: глаза сына сначала расширяются в ужасе, а затем сужаются до щелочек. Юэну становится не по себе. Этот взгляд как бы говорит: «Ты можешь стать или богом, или посмешищем – все зависит от того, как ты ответишь на следующий вопрос».

– Сколько тебе было... – мальчик запинается, – когда ты первый раз сделал это с девчонкой?

«Блядь». Что-то твердое и тупое ударяет изнутри.

– Вообще-то, мне кажется, такие вопросы отцу не задают... – нервно произносит Юэн. – Послушай, Росс...

– Так сколько?! – командует сын в неподдельном отчаянии.

Юэн смотрит на Росса. Мальчик часто кажется ему все тем же прежним взъерошенным сорванцом. Однако некоторая поджарость и прыщеватость, ну и более угрюмое настроение указывают на продолжающуюся атаку полового созревания, а значит, и неизбежность этого разговора в той или иной форме. Но ведь Юэн мрачно предполагал, что нынешние мальчишки и девчонки смотрят экстремальную порнографию по интернету и знакомятся в социальных сетях, делают друг с другом что-то омерзительное, а затем снимают чудовищные, постыдные видео и выкладывают их в сеть. Он ожидал, что придется решать психологические проблемы, связанные с посткапиталистическим изобилием, и вот он сталкивается с классическим дефицитом. Он прокашливается.

– Понимаешь, сынок, тогда другие времена были...

Как рассказать мальчику, что школьный секс был в деревне под запретом, неизбежно подразумевая перепихон с кровным родственником? (Хотя некоторых это не останавливало!) Как рассказать, что ему уже стукнуло двадцать два и он учился в универе, когда впервые в полном объеме наслаждался совокуплением с женщиной? Что мать Росса, Карлотта, – тогда восемнадцатилетняя, а он уже двадцатипятилетний, но она оказалась гораздо опытнее – была всего-навсего второй его любовницей?

– Мне было пятнадцать, сынок, – решает он приукрасить один случай, когда полапал за сиськи пришедшую в гости подругу своей двоюродной сестры, и превращает его в сцену крышесъемного, безудержного проникающего секса. Что не так трудно сделать, ведь он мастурбировал, фантазируя об этом, бесчисленное множество раз. – Помню как сейчас, это ведь было примерно в такую же пору, через пару дней после моего дня рождения, – говорит он, довольный тем, как ловко напомнил. – Так что не волнуйся, ты еще молодой паренек. – Он взлохмачивает мальчику волосы. – Время работает на тебя, боец.

– Спасибо, пап. – Росс шмыгает носом, слегка успокоившись. – И с днем рождения, кстати.

После этого Росс бежит обратно вверх в свою комнату. Не успевает он уйти, Юэн слышит, как в замке входной двери поворачивается ключ. Выглянув в прихожую проверить, он видит, как в дом прокрадывается шурин. Взгляд у Саймона не мутный, а скорее шальной, копна седовато-черных волос, выбритых по бокам, всклокочена, лицо все еще угловатое, с выпирающими скулами и заостренным подбородком. Значит, снова не ночевал дома, не воспользовался комнатой для гостей, которую ему выделили. Какая дичь: хуже подростка.

– Ты дома, Юэн, – говорит Саймон Дэвид Уильямсон с шаловливым задором и мгновенно обезоруживает Юэна, всучивая ему открытку и бутылку шампанского. – С полтинником, корешок! А сестручка где? До сих пор валяется в *Ясир Арафате*?⁶

– У нее на завтра куча дел, так что, наверное, отсыпается, – сообщает Юэн, возвращаясь в кухню, ставит шампанское на мраморную столешницу и смотрит в открытку.

Там картинка с юрким фасонистым мужиком, одетым как дирижер с палочкой, под ручку с грудастыми деваками по бокам, обе со скрипками. Подпись: «ЧЕМ СТАРШЕ СКРИПОЧКА, ТЕМ ПЕСНЯ ВЕСЕЛЕЙ, ТАК ЧТО ДАВАЙ СКРИПИ ЖИВЕЙ! С ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ!»

Саймон испепеляюще-пристально следит за тем, как Юэн рассматривает его подарок. Юэн поднимает глаза на шурина и своего гостя и неожиданно чувствует, что растроган.

– Спасибо, Саймон... Хорошо хоть кто-то вспомнил... О моем дне рождения во всей этой рождественской кутерьме обычно забывают.

– Ты родился за день до этого дибильного хиппана на кресте, – кивает Саймон. – Я помню.

– Ну, я признателен. И чем же ты занимался ночью?

Лицо Саймона кривится, когда он читает эсэмэску, выскочившую на экране.

– Кажется, проблема в том, чем я не занимался, – фыркает он. – Некоторые женщины, зрелые женщины, не принимают отказа. Жизнь – сумасшедшая череда потерь... Или, наоборот, старых знакомых. Нужно поддерживать связи – это просто правила вежливости, – подчеркивает Саймон, откупоривая шампанское, пробка со щелчком ударяется в потолок, и шурина разливают пузырящийся эликсир по узким бокалам, которые взял из горки со стеклянной посудой. – Если кто-нибудь подает тебе шампанское в пластиковом стаканчике... это не комильфо. Есть одна история, которая тебя заинтересует, в профессиональном плане, – резко заявляет он тоном, не терпящим возражений. – В прошлом месяце я был в Майами-Бич, в одном из этих отелей, где строго пользуются стеклом. Это же Флорида – там не разрешается делать ничего такого, что не представляет потенциальной опасности для окружающих: пушки за поясом, сигареты в барах, наркотики, после которых пожираешь незнакомых людей. Я, понятно, обожаю такое. Я строил глазки красоткам у бассейна, которые резвились в откровенных тонюсеньких бикини, и тут в процессе пьяных игрищ разбился стеклянный бокал. Одна из упомянутых красоток наступила на осколки. Когда ее кровь распустилась цветком в голубой воде у края бассейна, к ужасу тех, кто находился поблизости, я тут же подошел и, беря пример с тебя, проделал свой фокус «яжеврач». Потребовал, чтобы персонал принес бинты и пластырь. Их живо доставили, а я перевязал ногу девушки и помог отвести ее обратно в номер, успокаивая, что швы накладывать не нужно, но лучше немного полежать. – Он прерывает свой рассказ, чтобы протянуть Юэну бокал, и поднимает тост: – С днем рождения!

– Будем, Саймон. – Юэн отпивает, наслаждаясь шипением и алкогольным приходом. – Сильно кровь текла? А то...

– Угу, – продолжает Саймон, – бедная лапонька чутка запереживала, что кровь просочилась сквозь повязку, но я сказал, что скоро свернется.

– Ну, это не факт...

Однако Саймон не позволяет себя перебить:

– Конечно, она принялась расспрашивать по поводу акцента, как у Коннери, и где я учился на врача. Само собой, я задвинул ей старую телегу, вдохновляясь тобой, корешок. Даже рассказал, в чем разница между подиатром и ортопедом, ебать-колотить!

На самолюбие Юэна льется сладостный елей.

– Ну и, грубейше сокращая удивительно долгую историю, – большие глаза шурина вспыхивают, и он залпом допивает остатки в узком бокале, призывая Юэна сделать то же самое, после чего доливают обоим шампанское, – вскоре мы уже поскакали. Я сверху, дрючу ее до

⁶ Кровати (рифм. сленг).

беспамятства. – Видя, что Юэн удивленно поднимает брови, Саймон любезно добавляет: – Молоденькая, стройная, что твоя газель, приехала на каникулы с Южной Каролины. Но когда мы кончили, я с тревогой замечаю, что постель вся в крови, бедная красotka с края бассейна это тоже замечает, и у нее шок. Сказал ей, надо бы вызвать «скорую» – лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Боже... это же могла быть латеральная подошвенная или, может, одна из дорсальных плюсневых...

– По-любому, «скорая» прибыла в срочном порядке, ее забрали и оставили на ночь. Хорошо, что я утром уехал.

Саймон продолжает травить байки о своем недавнем отпуске во Флориде, и у Юэна впечатление, что в каждой не обходится без секса с различными женщинами. Он стоит и терпеливо слушает, потягивая шампанское из бокала. Когда они приговаривают бутылку, он уже приятно захмелел.

– Надо бы прошвырнуться по пивку, – предлагает Саймон. – Скоро нагрянет маман и нагрузит привычной херней, типа куда катится моя жизнь, а мы будем просто путаться под ногами у Карры, пока она готовит еду. Итальянки и кухня – сам понимаешь.

– А как же Бен? Ты, вообще-то, мало с ним виделся, с тех пор как вы здесь.

Саймон Уильямсон презрительно закатывает глаза:

– Парня пиздец разбаловала ее родня – богатые, консервативные, хуесосущие, дrouchащие на гончих, молящиеся на монархию и палату лордов говнюки-педoфилы с графства Суррей. На Новый год поведу его на «Хибзов» против «Рейтов»⁷. Ну да, он скучает по Эмиратам, но пацан должен знать реальную жизнь, а мы в представительской ложе – в общем, не сказать, что я его прям кидаю как щенка на глубину... Забей... – Он щелкает по горлу. – По пивчеллу?

Юэна логика Саймона убеждает. За долгие годы он слышал множество историй о шурине, но Саймон живет в Лондоне, и они ни разу не занимались ничем на пару. Было бы неплохо выбраться куда-нибудь на часок. Возможно, если они немного сдружатся, Рождество пройдет веселее.

– Для постояльцев «Коллингтон Делл Инн» есть очень классный эль из...

– Да ебать этот «Коллингтон Делл Инн» с его элями для постояльцев в их мелкобуржуазные сфинктеры, – говорит Саймон, отрываясь от телефона. – Сюда *уже* едет таксо – мигом нас в город подкинет.

Через пару минут они выходят на улицу, где дует свежий порывистый ветер, и садятся в такси: за рулем крикливый хамоватый мужик с копной длинных кучеряшек. Они с Саймоном, которого таксист называет Больным, кажется, обсуждают достоинства двух сайтов знакомств.

– Слайдер – это топчик, – доказывает водила, к которому Саймон обращается по имени Терри. – Тут и спорить нехуй, ты хоть зайди туды!

– Отстой. Тиндер рулит. Нужен хоть какой-то романтический флер. Интрига обольщения – лучшая часть всего предприятия. Перепахон в конце – это просто как сумку разгрузить. Процесс завлечения и соблазнения *всегда* составляет львиную долю волшебства. Сам я обычно не пользуюсь тиндером для секса, это больше инструмент подбора кадров в агентство. Если что, я собираюсь открыть филиал «Коллег» в Манчестере. Раз Би-би-си уже в Солфорде... – Саймон достает телефон и пролистывает, кажется Юэну, фотографии женщин, в основном молодых.

– Что это... телефонное приложение для знакомств?

– Какое ж хуевое название для эскорт-агентства, – упирается Терри, пока такси с грохотом мчится в центр города.

⁷ «Рейт Роверс» (*Raith Rovers F. C.*, с 1883) – [шотландский футбольный клуб](#) из [Керколди](#) (округ Файф).

– Сам ты, блядь, хуевый, – возражает Саймон, не обращая внимания на Юэна. – Это не агентство *шалав*, Терри, оно рассчитано на профессиональных бизнесменов. Получить секс сейчас может кто угодно. Речь идет о лице, имидже: бизнесмены хотят произвести нужное впечатление. Ничто так не свидетельствует об успехе, как наличие понятливых, шикарных спутниц. Тридцать два процента наших девушек – МБА.

– Минет-бондаж-анал? Уж я надеюсь.

– Магистры бизнес-администрирования. У нас в «Коллегах» они должны уметь говорить о делах, а потом уже переходить к делу. Вся суть в утонченности.

– Угу, но их по-любасу пердолят. По мне, так это шалавой и называется, угу.

– Это уж девушкам самим договариваться, – нетерпеливо говорит Саймон, глядя в свою приблуду. – Мы берем плату как агентство и получаем обратную связь от клиентов, чтобы убедиться, что девушки соответствуют требуемым стандартам. Но хватит об этом, – грубо обрывает он, – перейдем к делам праздничным. – Он пробегает глазами экран. – Три перспективных объекта в «Бухгалтерии»: две молоденькие и одна матерая профи, которая на вид стоит своей цены. – Саймон тычет фотку надутой брюнетки в лицо Юэну: – Ты б ее того? Если б, конечно, женат не был?

– Я не... ну наверное...

– Та ты б отдрючил ее за милую душу, братан, – нараспев говорит Терри с водительского сиденья. – Мы ж все на это запрограммированы. Зуб даю. Я ж просто Ричарда Аттенборо пересказую. Этот пиздюк всю планету нахуй облазил, перевидал все, чё движется, и изучил все повадки сношательные. – Он стучит себя по голове. – Верь Дикки.

Саймон смотрит на другую пришедшую эсэмэску.

– Гоняться за бабами, которых хочешь, и убегать от тех, которых не хочешь, – какая ж тягомотина... – Он вскидывает взгляд на затылок Терри, пока они переезжают через Северный мост на улице Принцев. – И не Ричард, а Дэвид Аттенборо, особо одаренный ты, блядь, мутант. Ричард – тот *пиздюк*, который уже умер. Актер. Задушил и отодрал Джуди Гисон в «Риллингтон-плейс, дом десять». Хотя мы-то за тебя в курсах, ты, видать, Ричарда в виду имел, – прибавляет Саймон, и они с Терри начинают ржать и подначивать друг друга, а Юэну все это кажется похабным и плоским.

Они пробираются к стойке паба на Джордж-стрит, набитого празднующими гуляками. Гремят рождественские песни семидесятых и восьмидесятых. Когда Юэн приносит выпивку, Терри сразу же начинает клеить женщину, с которой, по словам Саймона, договорился о встрече по слайдеру. С воинственной самоуверенностью Саймон освобождает себе место для локтей у стойки, Юэн с вежливой аккуратностью пытается добиться того же, а Терри исчезает вместе со своей спутницей.

– Так просто? Он с ней ушел? – спрашивает Юэн.

– Да, дело в шляпе. Видать, отпердолит ее на заднем сиденье таксо. – Саймон поднимает свой бокал. – С днем рождения!

Терри действительно возвращается через пятнадцать минут с застывшей на лице улыбкой. Его собутыльники успели выпить только по полпива.

– Миссия выполнена, – подмигивает он. – Туда, сюда, обратно – и пена на ебле.

С трудом завоевав выгодную позицию у стойки, Юэн ожидает еще одного круга, но Саймон, проверив телефон, предлагает переместиться в заведение дальше по улице.

Мороз снаружи уже кусается. Юэн рад, что они лишь немного проходят по Ганновер-стрит, после чего Саймон ведет их в подвальный этаж. Когда шурин направляется к стойке, Юэн поворачивается к зевающему Терри:

– Вы с Саймоном старые друзья?

– В курсах за Больного дофига лет. Он литский, сам стенхаусский, но мы завсегда ладили. Обое ёбари, обое за «Хибзов», так почитай.

– Да, на Новый год он ведет Бена на «Истер-роуд».

– Следишь за футбиком, кор?

– Да, но, вообще-то, не болею ни за какую команду. У нас на острове не так сильно страсти кипят.

– Для сношания бережете, братан, так ж? Сельские чикули, видать, боевые шо пиздец. Почитай, там и делать-то больше нефиг, да ж, братан?

Юэн лишь неловко кивает, но не успевает покраснеть: Саймон возвращается от стойки с напитками неуместно летнего вида и уводит обоих в относительно спокойное местечко рядом с туалетами.

– Пора втихаря налакаться самого гадостного коктейля на свете. Если сможете опрокинуть это залпом, то вы *охуенные мужики*, – заявляет он, всучивая Терри и Юэну пойло, похожее на пина-коладу.

– Бля... щас же Рождество, да ж, – говорит Терри и, зажав нос, опрокидывает в себя бокал. Саймон следует его примеру.

Юэн делает маленький глоток. Несмотря на ананас, кокос и лимонад, вкус едкий и металлический: в основе что-то горькое и противное.

– А что это?

– Мой личный особый рецепт. Специально для твоей днюхи! Пей, пей, осуши свой бокал – подыми повыше бокал!⁸ – нараспев командует он.

Юэн пожимает плечами, словно говоря «ладно, сегодня же мой день рождения и сочельник», и заглатывает коктейль. Какая отвратительная бурда туда ни намешана, лучше выпить одним махом.

Саймон переводит взгляд с экрана телефона на женщину в зеленой кофте, которая окидывает взглядом бар.

– Видать, эта ходит на блядки в одно и то же место, с тех пор как я приходнул ее на прошлое Рождество!

Терри живо оглядывается. Он копирует голос Дэвида Аттенборо:

– Коль зверь пришел на водопой, он не уйдет домой сухой... – Он откидывает назад свои длинные кучеряшки, подмигивает женщине и направляется к ней.

Юэн и Саймон наблюдают за ним в действии. Когда женщина начинает хихикать над каким-то его замечанием, запуская руку себе в волосы, они понимают, что баланс сошелся. Юэну кажется, что ненасытный взгляд Саймона пристально изучает не только новую спутницу Терри, но и его самого.

– У Терри феноменальные способности. С женщинами *определенного типа*, – злобно говорит он.

От его реакции Юэну становится не по себе и хочется сменить тему.

– Ты на прошлое Рождество приезжал маму провести?

– Да... Ха-ха, – говорит он, суетливым пальцем пролистывая каталог девичьих лиц – большинство на вид двадцатилетние. – Тиндер-призрак нынешнего Рождества!

– Ясно, почему это такой мощный сайт знакомств, – нервно говорит Юэн.

Вдруг начинает тошнить под ложечкой, затем пощипывает руки и грудь. Становится жарко, бросает в пот. Приступ паники недолго борется с возбуждением, и по телу разливается странное тепло, будто на плечи набросили золотистый плащ легкомыслия.

– Юэн, эту приблуду можно установить за пару сек, – уговаривает Саймон. – Серьезно. Ну, или я с радостью приценюсь от твоего имени. – И он переводит взгляд на стайку женщин, вынуждая Юэна сделать то же самое.

⁸ Саймон цитирует песню Дэвида Боуи «Station to Station» с его одноименного десятого студийного альбома (1976).

– Мне же нельзя! Я женат... – с легкой грустью говорит Юэн, вспоминая о Карлотте, – причем на твоей же сестре!

– В бога душу мать, в каком столетии я очутился? – обрывает его Саймон. – Давай насладимся благами неолиберализма, пока он не накрылся пиздой, а эта задрипанная планетка не взорвалась наконец у нас под ногами. Прямо здесь на наших телефонах – идеальный синтез всего самого лучшего из свободного рынка и социализма! Решение величайшей проблемы всех времен – одиночества и горя, вызванных тем, что не можешь найти себе дырку на Рождество, и все это задаром!

– Но я же Карлотту люблю! – торжествующе кричит Юэн.

Его шурин в раздражении закатывает глаза.

– «При чем здесь любовь, при чем же здесь любовь»⁹, – напевает он, а затем с наигранной терпеливостью объясняет: – На современном рынке секс – такой же товар, как и все прочие.

– Я не на современном рынке и не хочу туда, – говорит Юэн, и у него начинают скрежетать зубы. Во рту пересохло. Нужно выпить воды.

– Какой допотопный протестантизм. Джонни Нокс¹⁰ мог бы гордиться. Мне-то повезло: паписты подарили мне исповедь, чтобы всегда начинать с чистого листа, и я охотно этим пользуюсь раз в пару лет.

Юэн прикладывает ко лбу носовой платок и вздыхает. Огоньки и блестящая мишура на новогодней елке кажутся необычайно яркими.

– Что-то мне в голову ударило от шампанского и этого мерзопакостного коктейля... Что это, кстати, было? Этот твой овечий свитер, – он трогает руку Саймона, – такой мягкий на ощупь.

– Само собой, я ж туда МДМА подсыпал.

– Чего... я же не принимаю наркотики, я никогда не принимал наркотики...

– Значит, уже принимаешь. Короче, забей, расслабься и получай удовольствие.

Юэн вздыхает и опускает свои размягченные кости на стул за внезапно освободившимся столиком, а Терри, болтавший с женщиной в зеленой кофте, подбегает к Саймону совершенно упоротый:

– Ты туда чё, ешек поклал? Сделал с миня нахуй лесбуху, диверсант ебанный! Я, короч, в сортир – снежком закинуся, чёбы вычленишь с этой бурды любовь и вернуть блядскую еблю обратно. Ебанный ты дристун! – Он встряхивает кучеряшками и направляется в туалет.

ВЖУХ!

Юэн вылетает из тела и стремительно взмывает вверх. Ему хорошо. Юэн вспоминает отца и тот экзальтированный кайф, что старик получал от молитв и песнопений по воскресеньям. Юэн думает о Карлотте и о том, как сильно ее любит. Он не так часто ей об этом говорит. Показывает, но слов не произносит. Совсем мало. Надо позвонить ей сейчас же.

Он обсуждает это с Саймоном.

– Хреновая мысль. Скажи ей трезвым или не говори вообще. Она просто решит, что это триндеж под наркотой. Так оно и есть.

– Нет, не так!

– Тогда скажи ей завтра за рождественским ужином. При всех при нас.

– И скажу, – решительно заявляет Юэн, а потом рассказывает Саймону о Россе и собственном сексуальном опыте. Точнее, его отсутствии.

– Экстази – наркотик правды, – говорит Саймон. – Я решил, что пора нам друг с другом познакомиться. Все эти годы мы были родственниками, но почти не разговаривали.

⁹ «При чем здесь любовь» («What's Love Got to Do With It») – сингл Тины Тёрнер с ее пятого студийного альбома «Private Dancer» (1984).

¹⁰ Джон Нокс (1510–1572) – крупнейший религиозный реформатор в истории Шотландии, заложивший основы пресвитерианской церкви.

– Да, мы, конечно, никогда так не развлекались...

Саймон толкает зятя в грудь. Жест не кажется Юэну агрессивным или бесцеремонным – это больше похоже на мужскую дружбу.

– Тебе нужно с другими бабами попробовать, – голова Саймона отворачивается от стойки, и айфон наконец-то сползает ему в карман, – а то неудовлетворенность рано или поздно разрушит твой брак.

– Не разрушит.

– Разрушит. Сейчас мы все потребители – секса, наркотиков, войны, оружия, одежды, телепрограмм. – Он взмахивает рукой с напыщенной издевкой. – Взгляни на эту толпу несчастных кретинов, которые делают вид, будто развлекаются.

Юэн заценивает гуляк. Во всем чувствуется какая-то безысходность. Кучка молодых парней в рождественских свитерах палыцуются с неискренним дружелюбием, а на самом деле просто ждут той дозы, после которой можно будет оторваться на каких-нибудь незнакомцах или на крайняк друг на друге. Стайка офисных девушек успокаивает болезненно ожиревшую коллегу, ревущую навзрыд, а две другие, сидя слегка поодаль, ехидно, заговорщицки потешаются над ее горем. Бармен с опущенной нижней губой и тусклым от клинической депрессии взглядом приступает к безрадостному занятию – сбору пустых бокалов, что плодятся на столах, словно крольчата на весеннем лугу. И все это – под несмолкаемое поурри из рождественских поп-хитов семидесятых и восьмидесятых, которые стали настолько неотъемлемым атрибутом святок, что люди бормочут их слова себе под нос, точно демобилизованные участники боевых действий, страдающие от посттравматического синдрома.

В этой-то обстановке Саймон Дэвид Уильямсон усаживается на любимого конька:

– Мы не должны останавливаться, пока поезд не упрется в буфер: лишь тогда мы сдадим в архив помешательство и невроз и построим лучший мир. Но мы не сможем этого сделать, пока данная парадигма не подойдет к своему естественному завершению. А покамест мы просто смиряемся с неолиберализмом как социально-экономической системой и безбожно культивируем все эти зависимости. В данном вопросе у нас нет выбора. Маркс ошибался насчет того, что капитализм сменяет богатая и образованная рабочая демократия, – его сменяет нищесбродская, шарящая в железе республика кобелей.

Очарованный и шокированный мрачной антиутопией Саймона, Юэн возбужденно качает головой.

– Но должен же быть выбор, – возражает он, пока Рой Вуд в очередной раз жалеет, что Рождество бывает не каждый день¹¹, – нужно же *поступать по совести*.

– Все меньше и меньше. – Саймон Уильямсон запрокидывает голову, запуская руку в серебристо-черные пряди. – Поступать по совести – это нынче только для лузеров, лохов и терпил. *Вот* как изменился мир.

Он достает из кармана ручку и маленький блокнот и рисует на чистой странице схему.

¹¹ *Poy Wud* (р. 1946) – британский рок-музыкант, певец и автор песен, основатель групп *The Move*, *Electric Light Orchestra* и *Wizzard*. «I Wish It Could Be Christmas Every Day» – рождественская песня, записанная глэм-рок-группой *Wizzard* в 1973 г.

До 35 лет неолиберализма

МУДАК | ЧЕЛОВЕК | ЛОХ

После 35 лет неолиберализма

МУДАК | ЧЕЛОВЕК | ЛОХ

– На самом деле можно выбирать только между запрещенными, лишь слегка отличающимися вариантами того, как поступать не по совести, но по сути это альтернативные маршруты в один и тот же повальный ад. Боже, этот порошок совсем уж ламповая херня... – говорит Саймон, вытирая пот со лба. – Хотя, – он переводит свои глаза-плошки на Юэна, – все это не так уж хреново, – потом отворачивается и пялится на девушку, стоящую неподалеку с подругой. Показывает свой телефон. Она пялится в ответ и смеется, после чего подходит, говорит, что ее зовут Джилл, и подставляет щеку, а Саймон встает и легко, чинно ее целует.

Пока она беседует с шурином, Юэн балдеет от того, как рассеиваются его опасения. Джилл совсем не похожа на конченных персонажей, знакомящихся по интернету, которых он себе нафантазировал. Она молодая, уверенная в себе, смазливая и явно не дура. Ее подруга, примерно ее ровесница, но слегка попышнее, смотрит на него:

– Я Кэти.

– Привет, Кэти, я Юэн. Ты, м-м, тоже с тиндера?

Кэти секунду его оценивает, прежде чем ответить. На музыкальном автомате включается «Мэднесс» с «Моей девушкой»¹². Юэн вспоминает Карлотту.

– Я изредка им пользуюсь, но это угнетает. Большинство людей просто ищут секса. Оно и понятно. У всех у нас свои потребности. Но иногда уже перебор. А ты пользуешься приложением?

– Нет. Я женат.

Кэти поднимает брови. Она трогает его локоть, глядя с апатичным снисхождением.

– Хорошо тебе, – говорит она нараспев, но уже отрешенно.

Потом она замечает кого-то и перепархивает через весь бар. Юэн потрясен тем, что после ее ухода наступает глубокое чувство утраты, смягчаемое лишь мыслью о том, что все нормально.

В бар входит стройная блондинка, вероятно, за тридцать, предполагает Юэн, и пристально смотрит на Саймона. Она очень эффектная, с почти прозрачной кожей и незабываемыми светящимися голубыми глазами. Встретившись с ней взглядом, шурин громко вздыхает. Тиндер-призрак ушедшего Рождества. Он извиняется перед Джилл и идет поздороваться. Джилл и Юэн молча наблюдают, как Саймон с блондинкой перекидываются парой фраз, по ощущениям Юэна эмоциональных, после чего Саймон возвращается к ним. Он подталкивает Джилл и Юэна к свободному столу.

К удивлению Юэна, блондинка присаживается к ним с бокалом белого вина в руке, не сводя глаз с Саймона. Он занят: тискается с Джилл. До Юэна доходит, что женщина, возможно, старше, чем он сначала подумал: кожа безупречная, но взгляд отягощен опытом.

Она поворачивается к Юэну, по-прежнему глядя на Саймона:

– Ну, он-то уж явно не будет нас знакомить. Я Марианна.

¹² «Моя девушка» («My Girl») – песня Майка Барсона, музыканта родом из Эдинбурга, клавишника и вокалиста английской ска-группы *Madness*, выпущенная на дебютном альбоме группы «One Step Beyond...» (1979).

Юэн протягивает руку, поглядывая на шурина, чьи пальцы теперь гладят ляжку Джилл в черном чулке, а девушка засовывает ему в ухо язык.

Юэн смотрит на Марианну, наблюдающую за этой сценой в полном отвращении. Да, рассуждает он, может, она даже почти мне ровесница, но есть в ней что-то величавое. Все признаки старения – морщины, мешки, гусиные лапки – как будто заретушированы. Неужели все дело в наркотике? Юэн видит лишь квинтэссенцию невероятно красивой женщины.

– Юэн, – представляется он. – А вы давно Саймона знаете?

– Много лет. Еще подростком познакомилась. Я бы сказала, это на двадцать процентов счастье, а на восемьдесят – проклятие, – сообщает она монотонно – так говорят на раёнах и в пригородах.

– Ну и ну. В каком смысле? – спрашивает он, придвигаясь ближе и глядя на Саймона.

– Он угроза для девиц, – буднично говорит Марианна. – Девицы на него западают, а он их потом использует.

– Но... вы же все равно здесь, с ним.

– Значит, я по-прежнему в его власти, – невесело смеется она, а затем срывается и злобно пинает Саймона в голень: – Козел.

– Чё? – Саймон отпускает Джилл и зыркает на Марианну. – Ты ебанулась? Попустись!

– Козлина блядская. – Марианна снова лягается, а затем, глядя на молодуху, язвительно замечает: – А ты несчастная малая, блядь, коза. Он же старпер уже. Меня-то хотя б охмурил молодой интересный чел. – Она встает и выплескивает на Саймона остатки вина из бокала.

Саймон Уильямсон сидит неподвижно, вино капает с лица, а вокруг охают и ахают выпивающие соседи. Юэн выуживает свой носовой платок и передает шурина.

– Пойди за ней, – уговаривает его Саймон, кивая на уходящую Марианну. – Поговори с ней. Неделями меня преследует, с тех пор как узнала, что я прикачу из Лондона на Рождество. Она страдает, что уже не молодая, но это ж со всеми нами случается. В смысле, спустись уже, блядь, на землю, – произносит он нараспев, с возрастающей мольбой обращаясь ко всему бару, а затем поворачивается к Джилл: – Повторяй за мной: я никогда не превращусь в свою мать!

– Я *никогда* не превращусь в свою мать, – с нажимом говорит Джилл.

– Умничка. – Саймон с благодарностью хватает ее за колено. – Все это у нас в голове сидит. У тебя явно темперамент для больших матчей.

– Щекотно, – фыркает она и отпихивает его руку, а затем спрашивает: – Как по-твоему, я смогу работать в «Коллегах»? МБА у меня нету, но зато есть диплом по менеджменту с Нейпира¹³, и просто надо сдать еще четыре зачета, чёбы бакалавра получить.

– Если бакалавра дают за красивую задницу – а я думаю, в твоём случае это так, – мне кажется, все необходимые атрибуты у тебя есть! Впрочем, потенциальные партнерши, как мы их называем, обязаны пройти самую строгую и доскональную процедуру собеседования, – вкрадчиво говорит он.

Юэна общество Саймона уже достало. Как ни странно, шурина, наверное, хотел как лучше, в своем извращенном понимании, но при этом накачал его наркотой и попытался заставить изменить жене – родной сестре Саймона! Юэн секунду медлит, а затем встает и идет за Марианной. Оказалось, она дошла лишь до стойки и зависла там с сумочкой в руках, будто кого-то ждет.

– Вы нормально?

– Я *хорошо*, – говорит Марианна, прошипев последнее слово.

– Вы...

– Такси жду. – Она взмахивает телефоном, и этот жест как бы вызывает звонок. – Поехала.

¹³ Имеется в виду Эдинбургский университет Нейпира.

- М-м, если можно спросить, вам в какую сторону? Я тоже собираюсь откланяться.
- Либертон, – рассеянно отвечает Марианна, заправляя волосы за ухо. – Устроит?
- Да. Здорово.

На заднем сиденье такси довольно жарко, и Юэн ловит еще одну серию приходов от ешек. Они едут по Мостам к бассейну «Королевское содружество». Это не *так* уж далеко от его дома. Но он не может прийти туда в таком состоянии.

Она замечает его беспокойство.

– Ты нормально?

– Не совсем. Саймон подсыпал мне в коктейль экстази. Видимо, так он себе представлял хороший праздничный розыгрыш. Я не принимаю наркотики... в последнее время, – вынужден добавить он, опасаясь, что она посчитает его цивиликом и занудой. Вдруг он бросает взгляд на ее стопы – маленькие, изящные под ремешками туфель. – У вас очень красивые стопы.

– Выступаешь по этим делам?

– Нет, но, возможно, слегка одержимый. Я подиатр – врач по ногам, – объясняет он, а они как раз проезжают его работу – Королевскую больницу.

Джилл ушла в туалет с Кэти нюхнуть порошка, и у Саймона появилась возможность вернуться на тиндер. Но тут к нему подкатывает Терри.

– Ты где был?

– Завез на таксо ту в зеленой кофте на Тисл-стрит-лейн. Пасибки твоим дибильным калачикам – просто обслуживил ей всю манду, пока она не протасилась. Даж не вдул. Так щас она хочет увидеться еще раз, от это от всё. Думает, я завсегда такой. Послал ее с моего таксо нахуй!

– Ну ты и джентльмен, Тез.

– И еще видал зятяка твоиво, Юэна, слинял с этой чикулей Марьяной, – заявляет Терри, и глаза у него бегают. – С чево это я не подсунил ей в свое времечко? Огонь же!

– Много лет порол ее во все дыры. Сперва ее батяня мне угрожал, потом ее блядский муженек. Ясен перец, я продолжал ее пердолить, когда она замуж вышла, причем по ее ж инициативе. Но я был рыцарем. Сказал ей, что нахожу заведомо нелюбезным долбить пелотку, предназначенную другому парню, так чё потом завсегда ей тока в очко вдувал. Научил, как оргазм от анала получать, все дела.

– Пробел в резюме Ладного Лоусона, а их там не так и дофига, – обиженно говорит Терри. – Слы, пиздюк, если она так тибя напрягала, мог бы ее номерок мне скинуть, я б у нее с бошки тибя выбил. Или, мож, этого ты и ссал, да ж?

– Залупу. Тебе. На. Воротник.

– Шухер, – Терри поглядывает на двух девушек, возвращающихся из туалета, – от и мандятинка вертается. Пора чары нах включать!

На Рождество в доме Маккоркиндейлов первым встает Саймон Уильямсон. Он так и не смог уснуть, как всегда бывает, когда он принял на душу море спиртного и наркотиков. Он считает это бесшабашное употребление слабостью, но сейчас Рождество, и в последнее время такое случается с ним редко, поэтому он особо не убивается. Вскоре к нему на кухню приходит Юэн, все еще слегка обдолбанный после вчерашней ночи.

– Вот это дурь была, – тихо выдыхает он. – Этот порошок. Всю ночь не мог уснуть.

– Ха! Знакомая ситуация. Попробуй снежком полирнуть и крэком, как я...

– Это уже без меня! Мне же надо было к Карлотте вернуться. Хорошо хоть она крепко спит. Прележал всю ночь рядом, не смыкая глаз, потный, напряженный, будто наркоман какой-то!

– Кстати, а как там Марианна? Ты к ней ездил?

Юэн собирается соврать, но потом понимает всю бесполезность лжи.

– Да, мне реально надо было справиться с мыслями, прежде чем идти домой. Интересно с ней поболтали. Очень многогранная женщина.

Саймон Уильямсон поднимает одинокую бровь:

– Со стороны это, разумеется, именно так и выглядит.

– То есть?

– Никакая она не многогранная. Многогранная – значит классная. Многогранная – значит интересная. А она ни то ни другое.

– Ну, мне она другой показалась.

– Ущербная дура может показаться *многогранной*, если ведет себя эксцентрично и не контролирует свои порывы. Но ничего хорошего в этом нет. Ущербные дуры просто раздражают и утомляют. Я сказал ей еще, блядь, *сто* лет назад, что она на мне помешалась и что я не хочу иметь с ней ничего общего. Так нет же, постоянно просила о встрече, снова и снова. Эта избалованная папина дочка привыкла получать все, что захочет. – Саймон Уильямсон свирепо пялится на зятя. – Ее батяня сперва собирался убить миня за то, чё я ее дрючил, а потом за то, чё не дрючил! – Он передергивает плечами, словно пытаюсь скинуть холодящий плащ несправедливости. – Ихняя малохолдная семейка пытается всеми управлять.

– Потихе, – шикает на него Юэн, услышав, как кто-то смыл воду в туалете наверху.

Саймон кивает и понижает голос:

– В общем, местные лошки продолжали усердно ее шпилить, спешу добавить, все с меньшей и меньшей охотой. В ее защиту надо сказать, что она обалденно трахается, хотя я должен поставить это в заслугу самому себе: расцвела она под моей самоотверженной опекой. Потом, когда лет через десять она скрылась с радаров, я подумал: «Баба с возу». Но я искренне надеялся, что она *отъебаллас*. – Последнее слово он произносит твердо, как «фаллос». – Но тот ебанько, что взял ее под крылышко, наконец-то прозрел. И вуаля, она опять мозолит мне глаза, достает эсэмэсками и жучит за то, что я гоняюсь за минжой, которая а) моложе и б) не ее. – Он пожимает плечами. – Ну а ты как, донес до нее суть?

– Не смеши меня, – лопочет Юэн; тот, кто сходил в туалет наверху, кажется, лег обратно в постель. – Я зашел к ней, чтобы успокоиться и подождать, пока отпустит экстази, которое ты мне подсыпал. Слава богу, когда я пришел, Карлотта крепко спала. Она была не в восторге, когда ненадолго проснулась утром, но, по ее словам, она «довольна, что мы стали родичаться».

Внезапно начинается движ. По лестнице спускается Росс, за ним Бен.

– А вот и пацанчики! – объявляет Саймон. – С Рождеством вас, симпотные юные кобельки! Парочка сердцеедов – а, Юэн? Ох, берегитесь, девчата, этой винтажной итальянско-шотландской культурно-генетической смеси. Она оставит вас бездыханными, посеет смерть и разрушения.

Сын и племянник смотрят на него, оба глубоко смущены этим воззванием и не на шутку сомневаются.

– Забейте, я собираюсь повтыкать с утреца в телик, – заявляет Саймон. – Вообще-то, я не слезу вон с того дивана, пока мне не подадут мой рождественский ужин. А вот это завтрак. – Он разворачивает золотую фольгу и откусывает ухо у шоколадного медвежонка «Линдт», показывающего на сердце у себя на груди. – Накося, сраный джамбо¹⁴. – И он перебирается в гостиную.

Спускается Карлотта и начинает готовить еду. Юэн хочет помочь, но жена твердит, что она все распланировала, а он пусть посидит с Саймоном и мальчиками и посмотрит телевизор. Росса и Бена эта перспектива не так уж сильно прельщает, и они удаляются на второй этаж,

¹⁴ «Джамбо» называют болельщиков эдинбургского футбольного клуба *Heart of Midlothian* («Сердце Мидлотиана»), чья домашняя арена – стадион «Тайнкасл»; цвета команды – бордовый и белый. Шоколадные медвежата «Линдт» носят бордовый шарф.

а Юэн уступает и обнаруживает, что Саймон попивает лагер «Иннис энд Ганн», закусывает шоколадным мишкой и пересматривает «Светлое Рождество»¹⁵.

– Рановато ты, – говорит Юэн, глядя на банку пива.

– Так сегодня ж Рождество, ебанный в рот. А этот лагер просто волшебный. Кто б мог подумать, что шотландцы способны производить лучший лагер на свете? Именно так я представляю себе вкус сладкой отмытой манды Спящей красавицы!

«Эта утрированная сексуализация всего подряд, – размышляет Юэн, – он вообще когда-нибудь останавливается?» А затем думает, что, пожалуй, и неплохо было бы выпить пару пива. Он еще не отошел от МДМА, так что, возможно, пиво послужит прикрытием и объяснением его вялости. К счастью, Карлотта, кажется, слишком поглощена приготовлениями к рождественскому ужину и ничего не замечает. Юэн слышит, как жена мелодично и нежно напевает песню «Юритмикс» «Бельмо на глазу»¹⁶. Сердце у него в груди тает от эмоций.

Приходят теща и свояченица Луиза с мужем и тремя детьми в возрасте от семнадцати до двадцати четырех. В доме шумно, все обмениваются подарками, шуршат оберточной бумагой. Росс и Бен получают одинаковые «плейстейшен-4» и тут же бегут наверх скачивать из интернета любимую игру.

«Иннис энд Ганн» мягко вливается в Юэна, вызывая удовлетворенное, благодушное веселье. Ему смутно мерещится, что с сыном что-то не так, когда Росс вдруг снова появляется в коридоре, припирает к стенке Карлотту, едва та входит в кухню, и убеждает занятую мать пойти с ним наверх.

Юэн вытягивает шею над спинкой дивана, наблюдает за ними и собирается что-то сказать, но Саймон трясет его за плечо, и мать с сыном поднимаются по лестнице у них за спиной.

– Обожаю это место, когда Кросби обращается с речью к Розмари Клуни про то, как рыцарь падает со своего серебристого скакуна... – говорит Саймон, и в глазах у него стоят слезы. – Это история моих отношений с женщинами. – И он захлебывается, будто что-то ломается в груди.

Беспокойство Юэна растет. Похоже, Саймон совершенно искренен в своих чувствах. Юэна осеняет, что шурин так опасен для женщин из-за своей способности полностью вживаться в придуманные им самим фантастические роли и верить в них.

В конце концов из дальнего угла их через всю столовую зовут к столу. Все церемонно фотографируются. Саймон Уильямсон щелкает всю семью, а потом, по отдельности, свою безучастную мать Эвиту, Карлотту, Луизу, Джерри и ребят – Бена, угрюмого Росса и даже Юэна. Все это время и Саймон, и Юэн ощущают странное напряжение в воздухе, но оба уже проголодались и в мягком тумане опьянения занимают места. Карлотта взволнованно шепчется с матерью и сестрой. Памятуя о сытном рождественском ужине, она приготовила легкую закуску: на столе стоят коктейли из мелких креветок с минимальной лимонной заправкой.

Юэн признательно откидывается на спинку стула и собирается заговорить, как вдруг замечает, что по щекам жены льются слезы. Схватив мать за руку, она уклоняется от его встревоженного взгляда. А Эвита смотрит на него волком. Юэн с Саймоном инстинктивно переглядываются в замешательстве.

Не успевает Юэн хоть что-то сказать, как его сын встает и отвечает ему затрещину.

– Блядский ты старый развратный пердун! – Росс тычет в Карлотту. – Это же моя мама!

Юэн не в силах ответить или хотя бы открыть рот и переводит глаза на жену. Карлотта уже рыдает в глубоком отчаянии, плечи у нее трясутся.

– Как тебе не стыдно! – визжит на него Луиза, а Эвита ругается по-итальянски.

¹⁵ «Светлое Рождество» (*White Christmas*, 1954) – рождественский мюзикл американского режиссера Майкла Кёртиса с Дэнни Кеем и упоминающимися ниже Бингом Кросби и Розмари Клуни в главных ролях.

¹⁶ «Бельмо на глазу» («*Thorn in My Side*», 1986) – сингл синтипоп-дуэта *Eurythmics* с их пятого альбома «*Revenge*».

Гнетущее чувство, будто весь мир рассыпается в прах, без остатка высасывает из Юэна все силы, да и разум.

А затем Росс включает свой айпад и подносит его к лицу ошарашенного отца. На экране – Юэн вчера с этой Марианной: оба голые на ее кровати, и он запихивает член в ее смазанную задницу, поглаживая ей клитор. Она обучает его сквозь стоны, подсказывая, что нужно делать. Травмированный Юэн смотрит на шурина, и до него доходит, что слова, которые он произносит, на самом деле принадлежат Саймону Дэвиду Уильямсону.

Пока все таращатся на него в шоке и отвращении, в голове молнией проносится: Марианна прислала ему по электронке запись, которую они вместе сделали, и, наверное, та попала в семейное «облако». Росс случайно получил к ней доступ, когда пытался скачать видеоигру для своей «плейстейшен-4». И теперь они всей семьей, в буквальном смысле за рождественским ужином наблюдают первую в жизни супружескую измену Юэна под воздействием наркотиков. Свояченица и ее муж безглаголиво вылупились. Теща крестится. Саймон, искренне потрясенный, смотрит на него с неуловимым восхищением. Но на убитых горем измученных лицах жены и сына Юэн читает лишь глубокое недоуменное разочарование.

Юэн Маккоркиндейл не в силах подобрать слова. В то же время он произносит их, похабные и смачные, на экране, который Росс крепко, непреклонно держит перед ним в вытянутых руках.

Зато дар речи обретает Карлотта:

– Выметайся отсюда нахер. Вали отсюда нахер щас же, – и она показывает на дверь.

Юэн встает, понунив голову. Он сгорает со стыда, почти в буквальном смысле окаменел от шока, а не простого смущения. Руки и ноги отяжелели, в ушах звенит, желудок и грудную клетку заполняет глыба размером с черную дыру. Глядя на дверь, которая кажется такой далекой, он чувствует, что движется к ней. Он не знает, куда идет, и лишь инстинкт заставляет его снять с крючка в прихожей куртку, чтобы уйти из собственного дома – вполне возможно, навсегда.

Закрыв за собой дверь и выйдя на холодную хмурую улицу, он думает лишь о том, что Рождество больше никогда не будет прежним. Но его рука тянется в карман и выдергивает оттуда айфон. Юэн Маккоркиндейл гуглит вовсе не гостиничные номера. Он щелкает по иконке тиндера – приложения, которое скачал, когда ушел от Марианны с убийственными, но радостными угрызениями на зорьке рассветной рождественским утром. Замерзшие пальцы уже быстро пролистывают его новое будущее.

4

Спад – За вас, мистер Форрестер!

Малой пацанчик скулит тихонько – звукоч, как с пластикового пузыря, прям аж сердце на разрыв. Иво б постричь надо, типа того: скрозь весь этот мех зенки блескучие еле видать.

– Старое хозяйство туточки морозишь, Тотоха. Извиняй, конеш, дружище, но ты ж вестхайленд-терьер, типа того, у тебя ж меховая шубка, блин, – базарю с пареньком, а он возле ног у миня свернулся.

Мацаю сопатку иво, а она холоднучая, как ледышка, но это ж считается признаком собачьего здоровья. Инада мине чисто хреново, блин, чуйствую себя одним с тех пациков, чё заводят цулика заместо аксесуара, чёбы проще аскать было, на жалость давить, типа того. Видят Тотоху и такие:

– Спад, а я думал, ты по котикам выступаешь, блин.

А я такой:

– По всем животинкам, типа того.

И говорю тебе, от Тотохи мине чисто никакого гемора нету. Для аска и все такое, да ж. Народ не любит, када животинки мучатся.

– Тока ж я не за тем завел тебя, Тотоха, это ж больше ради общения, да ж, дружище, – базлаю с им.

Я в курсах, животинки не могут разобрать, чё ты им говоришь, но зато они энергетику чуйствуют, блин, мелочевку всякую, негативный язык тела, када ты голосом выдаешь или даж хреновые мысли думаешь. Просто ж весь мир ненормальный, блин: корпорации заправляют медиа, а те распространяют вирус хреновой энергетики. Этот чел Руперт Мёрдок с газеты «Сан». Как тока увижу там заголовок, сразу такой: ну всё, блин. Мине не по приколу Тотоху всей этой фигне подвергать. Все так, но нужен же по жизни мелкий четырехногий корефан, раз уж все двухногие в темпе вальса в закат уехали, в курсах?

Аскается не так уж и хреново, но на праздники оно завсегда прилично. Челы все такие веселые и подбухнувшие, и в такой от колотун у них душа как бы оттаивает, в курсах?

Кароч, наваром своим я доволен – двенадцать фунтов шиссят два пенса. Четыре часа на морозе, по-любасу меньше минимальной зарплаты, хоть тебе и платят просто за то, чё на месте стовбычишь. Прикол, но када под *Жана-Клода*¹⁷ косишь, то у тебя такая заточка становится – такое нещасное, злобное щачло, и оно орет на весь свет: «Помогите мине!» Под конец стрельяния, када дубак уже все косточки проберет, закашивать уже больше и не надо. Кароч, собираю манатки, как вдруг догоняю, чё надо мной стоит кто-то. Типа того завис, но даж не пытается монету отстегнуть и в старую стакашку покласть. Чисто не хочу смареть вверх, ить инада шизоид какой или ффраерок борзый достает тебя. Но слышу дружелюбный голос:

– Здоров, Спад.

Подымаю бошку.

Блин, на миня сверху Майки Форрестер зырит.

– Майки! Как оно? – спрашую.

Ить надо сказать, этот Майки тож по-нищевродски прикинутый: в потрепанной флиске, джинах и кроссах. Я как бы удивлен, блин. Последний раз, как видел иво, этот пацик Форрестер, походу, нехило был упакованный: весь такой в костюмчике и длинном пальте, как на центровом бандюгане.

¹⁷ Нищеврода (рифм. сленг).

– Норм, Спад, – Форрестер такой, но как бы видно, чё чувак старается с себя побольше позитива выдавить, в курсах? – У миня тут есть чутка мулева, если интересует. С классным хавчиком и разъездами. Мож, по пивку?

Я тут такой ушки на макушке, блин:

– Ну тада тибе, Майки, придется котаном угощающим быть типа. Я тут малехо на голяках, пацанчик, – слегонца прибреживаю. Не могу ж я эти двенадцать фунтов на пивас потратить, блин: этого улова должно хватить на фасоль с гренками для миня и на собачачью хавку для Тотохи.

– Это я догнал уже.

– Он в той наливайке через дорогу с цуциками пускают, – тычу в сторону паба.

Майки кивает, и по брущатке в тот офигеть кайфовый гендель чешем. В курсах, када у тебя тепло врывается? Это ни с чем не сравнить, блин, хотя сперва чутка времени хреновато, пока тело чисто привыкает. Это типа того кинчика, чё я раз смарел, када они в космосе были и надо было такой типа фольгой обмотаться и перескочить с одного корабля на другой, без никаких скафандеров и без нифига. Всего пару секунд дубаря этого. Период декомпрессии. Приходится отогревать себе руки и пальцы на ногах. Помогает, чё Тотоха свернулся у миня на ногах калачиком, пока Майки орет, чёбы принесли две пинты «Сан-Мигель» светлого.

Када их на стол ставит, он такой:

– Я тут малехо в партнерах с Виктором Саймом, – а потом добавляет негромко: – Вик вернулся типа.

Щас я уже чисто не тащуся с этой мазы, блин, ить за Сайма все в курсах как за хренового котана, и не думаю, чё командывать парадом тут будет Майки. Кароч, у миня в бошке малехо сигнализация врубается: ой-ой-ой...

– Там нехилые баблосики, и как два пальца обоссать!

Хотя ладно, пусть котан дельце обрисует, блин. Миня не убудет, ежли послухать, чё там парень имеет сказать, да ж?

– А есть шанс получить малехо маков авансом за это мулево, блин? Дела туговато ж идут, типа того.

– Уверен, чё можно придумать чё-то. Но не хочешь сперва мое предложение выслушать?

– Э, угу, – я такой и еще пиваса отхлебую.

А сам уже забегаю наперед, думаю, а жизнь-то налажуеться, и пора уж пареньку Мёрфи передыхнуть малехо. Все остальные, даж самые изгои с нашей корзины с кошатами, оставили миня назади. Один удар за другим по старой низкой самооценке, блин. Кроме шуток. Но када ты зачем-то опять нужен, мазовое чуйство.

Кароч, кентяра Форрестер рассказывает, чё мине надо забрать малой груз и потом иво передать. Ежли вытрясу с Майки аванс налом, то на эти бабки, можт, новые штаны себе справлю и кроссы с протектором. Тока от я не в курсах за Майки: можно доверять чуваку или не, типа того? Придется разведку вести на ходу, блин.

– Знач, доставка? Тока ж никакого ганджубаса, блин, да? – спрашую иво. – Ить я ж контрабандой наркоты не занимаюсь, такой номер не пройдет.

Майки качает бритым кумполом, потом проводит по нему рукой. Типа как бы пытается подражать всем этим бандюкам, типа там Жирного Тайрона и все такое.

– Бля буду, кор, и близко ничё такого, – объясняет Форрест Гамп. – Тибе надо просто в Стамбул слетать, парень в эропорту тя встретит и даст коропку, чёбы отвезти на поезде в Берлин. Отвозишь туда груз и другому парню отдаешь. Тока ни при каких условиях, – и котан смотрит офигеть, офигеть как серьезно, – не пытайся коропку открыть.

– Как бы типа в кинчике «Перевозчик»?¹⁸

¹⁸ «Перевозчик» (*Le Transporteur*, 2002) – франко-американский [криминальный боевик](#) Кори Юэна и Луи Летерье. По

– От именно.

– Ну а, э, *чё* ж там такое-то, типа того?

Майки мрачно на миня лыбится. Оглядуется, голос понижает и наклоняется ко мне:

– Почка, Спад. Человеческая почка. Для срочной операции.

Опаньки. От за это я не уверен, блин.

– Чё? А это разве легально – части тела контрабандой провозить, типа вторжения похитителей тел и все такое?

Майки опять бошкой качает:

– Все кошерно, корефанчик. У нас на это сертификат, все дела. Тебе нельзя коробку открывать, она ж вся запечатанная и стерильная, а почка упакована в лед, ну или какую-то замороженную холоднющую химию: не лед, но типа льда действует.

– Не лед?

– Не, но типа льда действует. Типа ее заместо льда изобрели.

– Заместо льда... – Опа, блин, от за это я не совсем уверен. Лед – это ж чисто натурально типа, ну, обычно иво искусственно в морозилках делают типа, но в натуральном виде в Заполярье...

Майки рукой махает и качает бошкой:

– Не, Спад. Не такой типа, как в напитках и все такое. – Он ржет, подымая бокал. – Но лучше органы заморажует.

– Сохраняет их чики-поки до этой самой трансплантации, типа того?

– В масть! Откроешь коробку, и эта поебень портиться начнет, и она уже нахуй никому не упала, да ж?

– Но транспортировать это, блин, чутка ж мутновато?

– Ну, в самолет, ясно, не пронесешь, зато вполне легко на поезде провезти. Парень тибя в стамбульском аэропорту с ней встретит, а ты просто заскочишь на поезд до Берлина. Там ты другой встречает, ты чешешь на таксо в аэропорт и летишь на хауз, подняв пятихатку чистыми. А еще я забашляю тебе другую пятихатку чистыми прямо щас. Честней не придумаешь.

«Пятихатка чистыми... Прямо щас...»

– А чья почка хоть?

– Донора.

– Типа какого-то пацанчика крякнувшего?

– Угу... хоть и необязательно, можно ж вполне и с одной жить, – говорит Майки и задумется. – Может, кто-то это из-за родственника делает. Я ж не в курсах. Я не собираюсь спрашивать Вика Сайма... – Он сморит на меня и понижает голос: – Не собираюсь спрашивать парня, чё рулит саунами, откуда оно приехало и куда едет. Мой девиз – никаких вопросов, и никакой брехни в ответ. Все документы туточки, – грит он и мне сертификат передает.

На вид такой, как можно с этого скачать, с интернета, типа того, загрузить, кароч, почи-тай, это как бы вполне официально.

– Все равно стремно как-то... Вик Сайм, типа того... – я такой. – Сам-то за ниво не в курсах, тока ж у этого котана камышового репутация саблезубого киллера.

– Ну, братан, риск завсегда остается, и ясен пень, товар с черного рынка, операшку забачаю в какой-то клинике частной, да ж? Но если хошь эту работу, она твоя, – Майки грит. – Можу тока сказать, чё они уже провернули кучу всякой такой лабуды и покаместь никакого гемора не было. – И он ложит на стол конверт, набитый тугриками.

Размышляю за эту малую аферку, и если смареть *эль-фактос* в глаза, то мне нифига больше не остается.

– Не хочу ничё ни за кого говорить, Майки, но этому народу типа Вика Сайма, ему доверять вообще можно, в курсах? Не хочу подписываться, ежели доверять нельзя.

– Спад, ты ж за меня в курсах, – Майки плечами дергает.

То-то и оно, ить я ж за ниво много лет в курсах. И ему никада доверять было нельзя, как и мне. Можт, он тож изменился. Надо давать народу кредит доверия. Он дает мне второй шанс, а значит, я должен дать шанс ему. Терять мне все равно нефиг.

– Угу, ништяк. – Тяну руку и беру конверт, как тот парень в «Миссии невыполнимой», малой пацанчик с Голливуда, чё играл в «Лучшем стрелке» вместе с мазовой чикулей с классными хайрами, за которую щас не слышать нифига. Запись или чё там внутри не самоликвидируется, кароч, все в порядке! – Я не пытался борзеть или там поклеп возводить, Майки, просто юридическую проверку проводил, в курсах?

– Без обид, кор. Бошка варить должна. Я б намного больше дергался, если бы это мулево на какого-то дибила спихнул, который не задавал бы таких вопросов. Вселяет уверенность, чё я выбрал для миссии парня что надо!

Он словом «миссия» чисто как эсэмэсками миня закидал, и с этого мне мазово. Чокаемся бокалами.

– Угу, блин, в лучшем виде сделаю.

– Класс, в курсах был, чё могу положиться на тебя, шабол мой старой, – Майки такой. – И, Спад, постарайся прибраться малехо – да ж, братан?

Я в курсах, чё Майки не борзееет, а просто хочет, чёбы я типа не выделялся в толпе, када буду проходить через КПП «Чарли» или где там еще.

– С такими лавэ я на этот вопрос вообще-то отвечу «угу», котан.

5

Рентон – Конфиденциальность клиентской информации

«Я тащусь от танцевальной музыки, но завязываю с диджеями: када ты их директор, то ты в ссаном положении. Никада такого не было: некоторые диджеи были объебосами, угу, но большинство – нет, просто люди, чё тащились от клубов и танцевальной музыки. Все изменилось, када пришли эти понтовитые цивильные пиздюки-миллениалы, – нельзя грести всех под одну гребенку, и исключений навалом, угу, но есть один момент: чем больше денег получает диджей, тем большее он хуйло. Кароч, када я нарубил капусты, то стал работать с пафосными самовлюбленными мудаками, потом один с этих ебанатов миня кинул – Иван, длинноволосый молчаливый пиздюк-бельгиец, после того как я сделал ему карьеру. Всяко бывает – я не собираюсь тут на жизнь жаловаться, у миня все нормуль: просто как иллюстрация того, что в этой игре нужно иметь охуенно толстую шкуру. Я обязан подымать этих пиздюков-диджеев с их, блядь, постелей после обеда, доставать им наркоту у гандонов-промоутеров, инада вытаскивать их с ебаной тюрьмы, ну и – еще большее унижение – бодаться из-за авторских гонораров с корпоративными лакеями. Но чё хуже всего: я должен искать говнюкам баб, а это не всегда так легко, как кажжжжется...»

Лежу на своей кровати в поистине сибаритском пентхаусе этого вегасского отеля. Он состоит из двух спален, причем каждая – с мраморной ванной, плюс большая гостиная с роскошной кухней и нарядным камином. Разумеется, все это авансом и со списанием налогов, но у меня такой десинхроноз после дорожного марафона Эдинбург – Лондон – Амстердам – Барселона – Лос-Анджелес – Лас-Вегас, что с трудом понимаю, где я, блядь, нахожусь и что должен делать, в натуре не могу ни за одну мысль зацепиться. Хотя я принял на грудь *всего одно-единственное колесико* амбиена (и еще одно валли), из-за этого ебучего веселящего газа, чё нагнетают в помещение, чёбы вы круглосуточно сидели внизу за столиками, нормальный сон мне тока снится. Могу щас разве что откинуться на подушку и наверстывать «Игру престолов». Потом стук в дверь, поднимаю свою тушу с кровати и впускаю Конрада. Техноботан сразу хватает быка за рога:

- Я не могу уснуть сейчас и не засну позже утром в Лос-Анджелесе. Мне нужна женщина!
- Прекрасно.

Останавливаю картинку на экране и сажусь в постели, перед глазами все плывет. Не в курсах, поверил ли я, что Джон Сноу восстал с мертвых, но задача эта по сравнению с моей немудрящая. Всего два года назад Конрад был юным худощавым голландским парнем. Потом он начал отстегивать нехилый шмат со своего новоиспеченного богатства на жрачку, а пиздюк он не особо разборчивый. Что может быть безрадостнее, чем молодой миллионер, чё заказывает лимузин, чёбы затормозить у ебаного «Макдоналдса»? А ты тот самый припездол, чё должен войти и купить говна, от которого у твоей дойной коровы разовьется диабет второго типа. Он буквально не в силах перестать жрать. Фигня в том, чё на ниво свиняк нападает, ведь он же ж тонны травы выкурюет. Сейчас, в двадцать два, пиздюк уже превратился в пыхтящую бочку с салом. У миня самой артерии бляшками покрываются, када просто рядом с ним стою.

– Но женщина должна быть брюнеткой, – подчеркивает круглое, понтовитое кукольное личико Конрада, а иво голландский присвист усиливает легкая одышка из-за начинающегося заболевания дыхательной системы. – И грудь должна быть среднего размера: не маленькая, но и не слишком тяжелая и обвисшая. Никаких имплантов. И губы полные, но натуральные...

Обрываю его:

– Конни, ты ж явно дронишь на порнуху. Так не тяни кота за яйца и покажь мне работницу секс-индустрии, которой пощастливилось стать объектом желания этого суперзвездного диджея.

Он косится на меня, будто *почти* догоняет иронию, и достает свою трубу. К счастью, у порнозвезды есть свой сайт, и *вдобавок* она оказывает эскорт-услуги, *да еще и* проживает в Л.-А. Если я смогу ее доставить, то сэкономлю несколько, блядь, лет, потраченных на бесплодные поиски девицы, *похожей* на нее. Када делаешь это *от лица* кого-то другого, это самое харящее занятие, какое можно себе представить. Я влечу в крупную сумму, но именно это унылое мелкое уябище приносит мне бабло, и потому я примерно самый несчастный пиздюк во всем христианском мире.

– Если хочешь именно эту, придется подождать до зорьки рассветной, када вернемся в Л.-А. Но если срочная нужда, могу звякнуть в агентство прямо тут в Вегасе...

– Нахуй этих пошлых вегасских шлюх, у них одни деньги на уме, – обрывает он.

– Ну, походу, это профессиональная деформация. Типа проституция, в курсах?

Конни – голландец и хотя б догоняет, када я говорю «в курсах». У них в голландском тож есть похожее слово.

– Только плохо, когда они неспособны работать со вкусом.

Он, конечно, прав: самые успешные шалавы – те, чё ведут себя не по-блядски. Вот почему у элитных спутниц самые высокие цены: они преуспевают в эмоциональном труде. Конрад полагает, чё Вегас ломится от залетных понаехавших, но нету постоянной клиентуры. Он дуется на меня, как мыша на крупу, раскрывая пачку чипсов с моей упакованной кухонной зоны. Его люкс рядышком, и он, видать, уже обчистил там все запасы и разорил обслуживание в номерах.

– Подгони мне эту Бренди, – говорит он, цапнув перед уходом «Пауэрбар».

У миня двадцать минут уходит на то, чёбы связаться и заключить сделку, я даже прогоняю обычную телегу за «конфиденциальность клиентской информации». Баба очень спокойная и деловая и обходится без кукольных придыханий, как тока грю ей, чё обращаюсь от лица другого пиздюка. Потом звоню Конраду:

– Она будет ждать в «Стандарде» около четырех утра, когда вернемся в Л.-А.

Отправляюсь на боковую и думаю, чё вот-вот и впрямь вырублюсь, как вдруг этот пиздюк снова молотит в дверь.

– Все равно не могу уснуть.

– Вот... – Подхожу к ящику стола и достаю пару амбиенов. – Возьми две штуки, – опускаю малые коричнево-оранжевые колесики в обращенную вверх ладонь, похожую на пуховое одеяло. От этого мне хреновенько. Сам-то я пытаюсь с этой поеботы слезть, ну и гниловато подсаживать на нее других.

– Ладно... а почему я останавливаюсь в «Стандарде»? Мне нравится «Шато Мармон», – ноет он.

«А вот и хуюшки тебе: у меня в „Стандарде“ скидка».

– Нет мест, кор, – вру, зная, что проверять ему лениво, – и кроме того, сейчас все в «Стандарде» тусят: лапули, Гленны Ходдлы¹⁹ и голливудские старлетки. Там снова жара.

– В Западном Голливуде или в центре?

– В Западном.

Конрад одутловатыми пальцами разрывает пачку жвачки. Предлагает мне пластинку. Я отказываюсь.

– Говорят, «Стандард» в центре круче. – Он вскрывает две пластинки и запихивает в рот.

– С этим я бы поспорил. В центральный прет всякая пафосная богема, но с точки зрения Майклов Овити²⁰, конечно, лучше западноголливудский, – высматриваю у него на фейсе признаки понимания. Он лыбится, начиная догонять рифмованный сленг. – Ну и там большая

¹⁹ Гленн Ходдл (р. 1957) – бывший английский футболист и футбольный тренер, спортивный комментатор.

²⁰ Девиц (рифм. сленг).

часть нашего бизнеса. Ты ж не хочешь застревать между легковушками на забитых ффривеях. В курсах же, как кататься на машине, если тебя укачивает.

Он согласно скисает, а я себя чувствую, как батя на семейных вылазках: Норт-Берик, Кингхорн и Колдингем. Пикники на галечных пляжах под тоскливым пасмурным небом на морозном ветру. «Не ежь так много этого морожена, а то стошнит». Не зря ж мы выросли, сука, наркоманами. Какая там нафиг деиндустриализация – тут главную роль сыграли сахар и обжигающий ветрюган.

Конрад опять сваливает, – видать, амбиен его расслабил, – и миня никто больше не достает. Провалюсь нахуй в стремный сон, где все непонятки моей жизни вихрятся у меня в голове ремиксом в стиле Сальвадора Дали. Када просыпаюсь, вообще как выжатый лимон. Валяюсь в постели весь день, рассылая мейлы с ноута и стараясь не звонить по трубе.

На вечер забронировал столик для нашей компаши в «Вин-Лэй» – прекрасной китайской едальне высокой кухни в отеле «Уинн». Одно с моих любимых местечек. Там теплая и пышная, но какая-то сдержанная золоченая меблировка и буйная растительность, и, как во всех лучших заведениях Вегаса, там забываешь, чё ты в Вегасе. Это еще и первый китайский ресторан в Америке, награжденный мишленовской звездой. Вдобавок до Конрада и Эмили (я хочу, чёбы она в перспективе у ниво на разогреве играла, хоть и не сёдня) с нами еще Йенсен – прихлебатель моего суперзвездного диджея. Это доставучий малой пиздюк с торчащим зубом и нависающей на глаза черной челкой, но, как ни крути, он полезен тем, чё отвлекает Конрада и тот миня не грузит. Тут же Митч – промоутер. Карл, который открывает сейшен, как обычно, пока не явился. Мне стоило превеликих трудов убедить Конрада, чёбы не убирал иво с афиши после ЧП с самотыком.

И вот приходят двое других моих гостей. Фрэнсис Джеймс Бегби и его жена Мелани приехали в Вегас, взяв напрокат тачку. Они совершили большую вылазку в пустыню и для разнообразия переночевали в Палм-Спрингс. Ну прям твои влюбленные голубки. Обрато они могут полететь с нами на арендованном джете, что займет меньше часа. Кой-какие пиздюки говорят «частный джет», хотя джет *арендованный* и налогами не облагается. Опять пропаганда для запугивания масс и внушения благоговейного страха. Не знаю ни одного звездного музыканта, которому хватило б дурости завести частный джет. Если надо, просто возьми напрокат.

Мелани заколола волосы и надела стильное сиреневое вечернее платье. Франко щеголяет в белой рубашке и черных джинсах. Волосы подстрижены почти под ноль. Када-то мы зависали на пару в каких-то задрипанных литских кафешках, догоняясь с жуткого бодуна. А теперь наш общий порок – классная еда, и наши стрелки всегда проходят в четких ресторанах. Познакомив их со всеми, обращаюсь к нему с деловым предложением:

– Слышь, эта выставка в Эдинбурге, чё у тебя в мае, – как тебе, если мы вечерину замутим? Я могу договориться, чёбы мои диджеи там сыграли. Карл Юарт с радостью подпишется. – Предлагаю, а сам думаю, где ж этого Карла, блядь, носит, и снова проверяю, нет ли эсэмэсок на трубе, пока официант подает на двух больших блюдах шипящие ребрышки. Када кушанье ставят по центру стола, подальше от липких ручонок Конрада, он отчаянно обстреливает всех пулями пота. – Ну так как, Фрэнк?

Франко медлит, и тогда встречается Мелани:

– Было б здорово!

– Та не, никакого кипежа не хочу, угу. – Фрэнк Бегби качает головой. – Тока туда и обрато: одна нога там, другая туточки, – говорит он, и я замечаю, как Конрад устремляется к райскому блаженству, буквально отпихивая Йенсена, чёбы добраться до поживы.

– Та мне не ломы, Франко. Минимум, чё могу, – говорю и, бросив взгляд на стол, угораю с моего суперзвездного диджея.

Тот наполнил свою тарелку доверху и упахивается над грудой ребрышек в соусе барбекю, рассеянно болтая с Эмили. Ё-мое, я уверен, чё расслышал слова «трек» и «студия».

– Да брось, Джим! – уговаривает Мелани.

– Ладно, – улыбается Франко, – но это противоречит голосу моего разума.

– Да, и еще одно, – понижаю голос, наклоняясь к нему поближе. – У меня есть для тебя те бабки.

Франко замолкает на несколько долгих секунд.

– Это клево, братан. У нас с тобой все ништяк, – налегает он. – Просто рад ты снова видеть, тут в Америке, и рад, чё у тебя все пучком. – Он окидывает взглядом стилизованную роскошь ресторана. – Шизовая штука жизнь, угу?

Могу тока согласиться с этим аргументом, но када собираюсь вернуться к теме бабла, приходит Карл – с суровой заточкой, в ковбойской шляпе и темных очках. С ним эта баба под тридцатник, блондинка с малиновыми прядями и ушлым взглядом. Представляет ее: Шанель Хеммингуорт, журналистка с сайта по танцевальной музыке.

– Пишет за миня статью.

Он кратко перетирает с Франко за Джуса Терри, Билли Биррелла и некоторых других старых знакомых, после чего чешет на другой конец стола к Шанель. Конрад смотрит на него с наигранным презрением. Карл демонстрирует классическую накокаиненность, очень мало ест и тряндит, а Конрад греет уши напропалую. Стараюсь не вникать в пиздобольство Карла, но в перерыве разговора улавливаю убогое кобелиное:

– У меня зависимость от женщин, но в то же время аллергия на них, а это гремучая смесь.

Шанель Хеммингуорт остается невозмутимой: она явно попадала в подобные расклады и раньше.

Посмотрев на часы, громко требую счет, рассчитываюсь и гоню этих разболтанных котанов в клуб. Забудьте за обеспечение секс-услуг: *вот* где самая тяжелая часть работы. В вегасских клубах хуева туча охраны, потому нам надо пройти сквозь лабиринт подвальных коридоров, даже дать крюка через душную, забитую персоналом кухню (с одной стороны, Конрада харит, что суперзвездного диджея подвергают таким унижениям, а с другой – терзает шипение готовящейся еды), после чего попадаем в элитный ВИП-зал, расположенный за диджейской аппаратной с пультами и микшером. Карл притарабанил с собой бортовую сумку с пластинами, употев, как министр провещения в тэтчеровском кабинете с вакантным портфелем, и весь такой красный, чё аж страшно. Как тока приходим, он чешет прямиком к гигантскому пузырю ледяной водовки, это засекает сексапильная хостес и предупредительно ему наливает. Када Карл, подкрепившись, прошмыгивает в диджейскую, а Конрад обводит глазами толпу, предлагаю всем беруши. Мелани берет, Эмили и Франко – нет.

– Будет громко, – предупреждаю, легко вставляя свои. – Я не собираюсь из-за какого-то блядского диджея оглохнуть. Лучше не рискуй.

– Давай, Джим, – уговаривает Мелани.

Франко с неохотой берет затычки:

– Никада по танцевальной музыке не выступал.

– До сих пор фанатеешь от Рода Стюарта?

– Угу, до сих пор не прочь Рода чутка послушать, а ты слыхал «Китайскую демократию» «Ганз н' Роуизз»?

– Чё-т не особо зашло. Это ж не тру альбом «Ганз н' Роуизз», нету Слэша на гитаре.

– Угу, но парень, чё на гитаре лабает, еще пизже Слэша, – отвечает он, вдруг снова загоровив как Бегби, после чего вставляет затычки, чтобы пресечь любые мои возражения.

Карл слегка замудоханный, и его часовой разогревающий сет, када он крутит старый винил на вертушках, которыми никто не пользовался лет десять или больше, принимают хреново. Я всегда звоню заранее и говорю, чёбы откопали ламповые вертаки «Техникс», потому как этот пиздюк упорно хочет крутить винил. Сперва думают, это приколы такой, а потом обычно облаживают миня хуями. Некоторые тупо отказывают: из-за бескомпромиссности этого альби-

носа-луддита мы теряем ангажементы. Ну и, походу, на его дип-хаус тут всем поебать. Выходная вегасская ебливая толпа жаждет тока видных деятелей ЭТМ. Все сидят за своими столиками и нажираются, а потом скопом выходят на танцпол, када в аппаратную заваливает Конрад, чёбы сменить Карла. Звезда выступает очень даже нехило, если, конечно, вас прикалывает такое вот тошнотное псевдопроституирование пультов, а вот миня – нет. Как по мне, этот бренд дерганой нарезочной ЭТМ-хуйни, чё присвоил себе Конрад (это прибыльно, и я не могу иво осуждать), – просто ебаная подмена понятий. Под это совершенно нельзя танцевать, но толпа бростепных студиозусов и охотящихся за мужьями пригородных профур хавают на раз.

Шанель, журналисточка, походу, слиняла, а Карл сидит и набухивается, неуклюже заигрывая с хостес. Он вполне заебанный. Выступал без души. Чёбы девица, просто выполняющая свою работу, немного передохнула от иво плотоядного внимания, отзываю иво в сторонку и пытаюся сказать чё-то успокаивающее:

– Вегас никогда не станет кислотным.

– Тогда какого хуя я тут делаю? – орет он, а Конрад между тем нарезает новых поп-хитов для тяжело обдолбанного и загашенного танцпола.

– Капусту рубишь. Имя себе возвращаешь.

Карл тяжело переживал разрыв со своей чувихой Хеленой. Я выбил для него этот сейшен на подхвате у Техноботана, и оба они недовольны. Но это ж «Саррендер» в «Уинне» – один с лучших ночных клубов в Штатах. Кароч, в голове у меня чутка звучит фраза «неблагодарный мудака».

«Саррендер» – это воплощенный жир, и мы озолотимся, но этого, как обычно, мало. Вечно мало. И для Карла, и для Конрада, который после сейшена заводит старую волынку, када мы выпиваем, перед тем как выдвинуться в аэропорт:

– Почему я не могу получить контракт в «Экс-Эс»? У Гетта ведь есть контракт «Экс-Эс»!

«Экс-Эс» – другой клуб в «Уинне», даже больше и жирнее «Саррендера». Он больше и жирнее *всего на свете* – древнеримский дворец порока и декаданса.

– Потому что Гетта – это Гетта, а ты – Конрад Техноботан, – огрызаюсь в капризном изнеможении, отступая перед его недовольной рожей. – В следующем году будешь стоять рядом с ним, братан. Давай просто наслаждаться этой экспресс-поездкой на лифте к звездности.

– Значит, в следующем году мы играем в «Экс-Эс»?

«В бога ж душу мать. Загребуший толстый пиздюк».

– Посмотрим, корешок. Но прогноз благоприятный.

– Тут одна девушка... Я пообещал, что отвезу ее с подругой обратно в Л.-А. – Он кивает на ураган секса в образе двух девиц: загар, волосы, зубы, глаза, груди, ноги – и все это умудрилось прошмыгнуть мимо охраны в наш зал.

«Ебанный хуй». Это означает, чё мне придется договариваться за пропуска, документы и страховку для этих озабоченных-но-ебательных молодух, которые избрали мишенью жирного голландского парня. *Вдобавок* я уже подогнал этому ненасытному пиздюку дорогушую шалаву в «Стандарде». Надеюсь, их всех прикалывает вкус «тюльпанной» затычки. Мы садимся в мини-автобус. Карл бухой, завалился на самое последнее сиденье и требует кокса. Ну хоть Эмили спокойная: она разговаривает с Мелани.

– Наверно, херово сознавать, что как диджей ты уже кончился, – орет Конрад назад Карлу, Йенсен фыркает, а обе девчонки разевают рты в показном восхищении.

– Отъебись, хуйло. Музон играй. – Он достает свой телефон и показывает фотки Конрада с приклеенным самотыком.

Разражается буря мелкой грызни, и я закатываю глаза. Франко поворачивается ко мне и кивает за наши спины:

– Ты отработываешь все те бабки, что поднимаешь: так с ними нянчиться!

«Я наблатыкался, пока нянчился с учителем: уходя в загул, старался, чёбы ты какому-то пиздюку бошку не отрезал».

– Постоянно себе это повторяю, – говорю.

Частный аэродром примыкает к «Маккаррану»²¹, так что от Стрипа рукой подать. Остаток пути я на телефоне, пытаюсь договориться за разрешение для двух девиц, одну с которых Конрад потно лапает, пока Йенсен ловит каждое слово Эмили, вещающей о своих влияниях, и не врубается, чё шансов у него ноль. Карл заткнулся. Не нравится мне, када он в таком настроении. Мы садимся в джет и без лишнего кипиша летим в Л.-А. Мелани под впечатлением, Франко тоже. Поглядывает на меня в недоумении, типа «хули ты выябываешься».

– Со списанием налогов и покрытием расходов, – подчеркиваю. – Дядюшка Сэм платит нам за засирание экологии, чёбы мы могли лечь к себе в койку, а не провели еще одну бессонную ночь, убитые вусмерть, в оксигенированном номере вегасского отеля.

– Угу, точняк, – с сомнением говорит Франко.

Хотя полет и недолгий, без амбиена мне стремновато, и моя потная клешня ощупывает желтый контейнер в кармане. Приземляемся в частном аэропорту в Санта-Монике, где я прощаюсь с Франко и Мелани, которых встречают явно преданные, учитывая время суток, друзья. Эмили забила стрелу со своими тусовщиками, а Карла забирает парочка зачуханных нариков, и он растворяется в темном лос-анджелесском утре. Собираюсь посадить Конрада, Йенсена и девчонок в такси, а сам сесть на убер, но Конрад криком кричит.

– Ты должен поехать со мной в «Стандард» и проследить, чтобы пришла эта блядская шлюха, которую ты нанял, – командует он, запихивая в свое липкое хайло батончик «Херши», купленный в автомате.

Моя берлога в Санта-Монике всего в десяти, блядь, минутах езды. Я весь измочален, и челюсти клацают, как тока подумаю за эту кровать. Не такой уж классной конструкции, зато может похвастаться дорогушим матрасом. До Западного Голливуда минут тридцать пилить, даже по свободным дорогам в это время суток, и стока ж обратно. Но талант из нас – он. Этот жирный, понтующийся, избалованный мелкий сексистский хуй, чё называет баб «блядьми» и «шлюхами», потому как он тупой богатый белый сопляк, пытающийся подражать какому-то безмозглому черному рэперскому уебишу, с которым когда-то познакомился на конференции по хип-хопу, – *вот кто* из нас, блядь, талант!

– Ладно, – говорю, чувствуя, чё скисаю еще больше.

Вырубаюсь на переднем сиденье рядом с водилой, пытаюсь отгородиться от галимого триндежа Конрада и лажового, подхалимского смеха Йенсена и девчонок. Жду не дождусь, када уже вернуся на Новый год в Эдинбург. Я даж готов кемарить на стремном матрасе у своего старикана в комнате для гостей. Но потом вспоминаю за Викторию и врубаюсь, чё в Л.-А. тож есть свои прелести.

Слава богу, када добираемся до «Стандарда», «спутница» Бренди уже нас ждет, и она очень клевая. Конрад исчезает вместе с ней и обеими девчонками, дав несчастному Йенсену от ворот поворот. Но у него есть номер, оплаченный «Цитадель продакшнз», сумма потом запишется на счет их клиента Конрада Аппельдорна под видом административных расходов. Вызываю убер обратно до Санта-Моники и до своей кровати. Пытаюсь заснуть, мечтая о беспокойной коме, вызванной двумя амбиенами и половиной пузыря «Ночной сиделки». Соппротивляюсь, хотя глаза периодически распахиваются и я с ползучим страхом пожираю ими потолок. Когда погружаюсь в сон, оказываюсь на театральной сцене, где участвую в ноэл-каудардовской постановке вместе с Франко в монокле и смокинге и с помесью Викки/Мелани в бальном платье.

²¹ Международный аэропорт Маккаррана – главный коммерческий аэропорт Лас-Вегаса.

Моя квартира в Санта-Монике расположена в смурном жилом комплексе на углу квартала. Оранжевую краску, покрывающую наружные стены, в целях экономии разбавили, так что из дерзкой и эффектной она превратилась в блеклое и невзрачное покрытие, пожухшее на повороте в переулок. Из плюсов – общая терраса на крыше, с бассейном, которым редко кто пользуется, не считая двух французских пидоров, курящих одну за другой. По утрам, как я называю послеобеденное время (обычно я фунгиклирую в диджейские часы), я люблю сидеть тут с ноутом, набивать мейлы и разбираться со звонками. Как раз звонит тот, кого я избегал: промоутер с Амстердама. Нещасный пиздюк такой настойчивый, чё приходится ответить. Блядские часовые пояса.

– Дес! Никак не можем друг друга поймать!

– Нам на ADE нужен Карл, Марк. Он сейчас актуален. Эйсид-хаус – это Карл Юарт. Конечно, тот нескончаемый праздник, что мы знаем и любим, сейчас переживает черную полосу. Но он *обязательно* вернется. В следующем году – тридцатая годовщина Ибицы восьмьдесят седьмого. Нам в аппаратной нужен ЭН-СИН, причем в наилучшей форме.

Молча слушаю иво трепотню. Сердце надрывается, када кто-то вылаживается по полной, а ты в курсах, чё все равно его расстроишь.

– Марк?

Щурю глаза, глядя на слепящее солнце. Надо было кремом намазаться. Думаю – отбой дать или сказать Десу, чё иво не слышно?

– Мы не сможем быть на ADE, братан. Подписались на другой сейшен в Барсе.

– Говнюк же ты. Ты ведь обещал мне в «Фэбрике», что вы будете на ADE.

Я был на коксе. Никада ничиво не обещаю под наркотой.

– Я сказал, мы постараемся. Сейшен в Барсе – хорошая площадка для Карла, Дес, мы не могли отказаться. В этом году нам дали места в «Сонаре». Нельзя их расстраивать.

– А нас расстраивать можно, да?

– Дес, прости, братан. Ты же шаршь, что к чему.

– Марк...

– Да, Дес.

– Ты пиздюк.

– Даже не собираюсь спорить с тобой на эту тему, Дес.

Встаю, подхожу к парпету и смотрю на машины, медленно движущиеся по фривею в сторону пляжа. Прямо по курсу – грохот нового поезда метро на станции в центре Санта-Моники, пляжные городки наконец-то соединились с Л.-А. и Голливудом. Были времена, када я бы с этого проперся, но шас врубаюсь, чё даж ни разу на нем не ездил, и, к своему ужасу, не могу представить, када мне это понадобится. Вместо этого беру напрокат тачки, таскаюсь по забитым фривеям и ищу свободные места на подземных парковках отелей и офисов. Еб твою мать.

– И правильно делаешь, Марк. Пошел ты нахуй, кидала уебищный! Если б ты знал, какой кипиш мне пришлось поднять, чтобы тиснуть твоего никому не нужного сторчавшегося друга на афишу!

– Да брось, Дес, давай сбавим обороты.

Он вздыхает:

– И то верно, но все равно пошел нахуй.

– Люблю тебя, Дес.

– Ага, не сомневаюсь, – говорит он и заканчивает разговор.

И правда чувствую себя полным пиздюком, но как тока это признаю, все сходит на нет. Раньше я не был таким толстокожим, хоть и прикидывался. Потом это вдруг произошло, и все. Кабута я стал Тони, блядь, Старком, который изобрел психический костюм Железного Человека. Ясно, какая у этой брони позитивная сторона: тибя никуя особо не ебет. Недостаток?

Ну, это типа антидепрессантов. На смуры не выпадаешь, но никакой эйфории и кайфов тоже нахуй не ловишь.

Последние пару дней сильно сбивали с толку. Разъезды, часовые пояса, недосып. Походу, я постоянно сидел на телефоне, но никаких подвижек не добился. Мухтельд звонила с офиса в Амстердаме на разных стадиях тревожности. Вся эта ссанина с интернет-банкингом: када живешь между странами, он не так уж гладко пашет. После обеда почти полдня говорил со своим банком в Голландии, «АБН АМРО», чёбы они перевели деньги на мой счет в «Сити-банке» тут, в Штатах. Понятное дело, снять наличку – тот еще, блядь, головняк, потому как... ну просто ебучие банки.

Пытаюсь спрыгнуть с амбиена. В глаза кабута песка насыпали, и там бешено пульсирует кровь. Слава богу, Викки помогает, приходит и затягивает миня в постель. Говорит: больше никаких колес – тока секс. Потрававшись, погружаюсь в самый глубокий сон за долгие месяцы. Наутро с радостью обнаруживаю, чё она осталась на ночь. Так классно просыпаться с ней вдвоем. Хотя для миня это еще преступно рано, тыщу лет себя таким отдохнувшим не чувствовал. Она даже уламывает меня сходить на пробежку по береговой линии. Она-то сама не спешит, а вот я напрягаюсь, чёбы не отставать: пот градом, и аж легкие обжигает. Выкладываюсь, гордый, чё миня не считают ебаным старпером, которого надо подгонять. После этого у нас небольшой второй завтрак, а потом вертаемся на квартиру и в постель. Хоть я и умаялся, но, когда Викки потягивается и широко зевает, а ее выгоревшие на солнце локоны рассыпаются по моей подушке, миня посещает вруб, чё я уже давным-давно не был таким щасливым, как в этот самый момент.

Вечером чешем на выставку Франко, или «Джима Фрэнсиса», как он себя теперь величает в профсреде. Предлагаю поехать на метро. Поначалу у нее сомнения, но потом она соглашается, и мы на игривом расслабоне плавно скользим в центр Л.-А. На Викки отпадное гламурное черное платье и лодочки на высоком каблукe, волосы заколоты. Ощущаю себя восторженным, везучим говнюком.

Галерея – в бывшем одноэтажном товарном складе, примерно в пятнадцати минутах ходьбы от Першинг-сквер, в районе куча клевого стрит-арта. Болтаем с Мелани, у них с Викки уже полное взаимопонимание. Хотя Викки англичанка и ниже ростом, они так похоже говорят и двигаются, что это аж раздражает. Чума: у нас с Франко даже бабы похожего типа. Он стоит в чиносах и футболке с треугольным вырезом чутка в стороне от всех. Все равно что-то такое от него исходит, и незнакомцы не решаются к нему приближаться, но теперь это скорее усталое равнодушие, а не голая агрессия. Обаянием заведует Мелани, которая, извиняясь, уходит здороваться с новыми гостями – видать, потенциальными покупателями.

Подходим к Франко, который встречает нас с Викки радушно. Я ей не рассказывал его (и свою) предысторию: просто упомянул, что в хреновые старые времена он заводился с пол-оборота, сидел в тюрьме, а потом открыл для себя искусство. Пока он болтает с ней о картине с распятием Кэмерона, Милибенда и Клегга²², разглядываю ухмыляющегося харизматичного темноволосого малого чела, вокруг которого носится свита.

– Это Чак Поц?

Франко кивает, а Викки отмечает:

– Я работаю над заокеанскими продажами его последнего фильма для «Парамаунта». Хотя с ним самим и не знакома!

²² Дэвид Кэмерон (р. 1966) – 75-й премьер-министр Великобритании (2010–2016). Эд Милибенд (р. 1969) – британский политик, лидер Лейбористской партии (2010–2015). Ник Клегг (р. 1967) – британский политик, лидер Либеральных демократов с 2007 г.

Воодушевленная, слегка аутичная кинозвезда приветливо улыбается Джиму Фрэнсису – художнику, ранее известному как Бегби, – и бросается к нам. Мы с Викки достаиваемся кивка и слащавой улыбки, после чего актер концентрируется на Франко:

– Джимбо! Родной! Сколько лет, сколько зим!

– Это да, – соглашается Франко с неподвижным лицом.

– Мне нужна голова! Я должен напихать в твою голову, бро, – смеется Поц.

Франко держится стоически.

– Шармейн, моя бывшая...

Актер понижает голос, Викки извиняется и чешет в туалет, а я прикидываюсь, будто рассматриваю произведения искусства, развешанные на стенах и расставленные на постаментах. Смекаю, чё Поц явно пытается уговорить Франко сделать голову Шармейн Гэррити, своей бывшей жены и тож голливудской звезды. Хапаю бокал красного с подноса официанта и, подбегаясь поближе, слышу, как он уламывает:

– Выручай братишку, чувак.

– Я ведь уже выручал. «Охотник наносит удар» – помнишь?

– Ага, блин, обидно за этот фильм. У меня были реальные проблемы с акцентом. Но у тебя произведения классные, и мне нужен оригинал Джима Фрэнсиса!

– Не ори, – слышу голос Франко, пока смотрю на картину с распятием. – Не люблю такие заказы светить.

– Согласен, бро. Как с тобой связаться?

– Дай мне свои цифирки, и я сам с тобой свяжусь, – Франко такой.

Смотрю на рюмящую мудохарю Кэмерона. Он ничё так получился, как и Милибенд, бедолажный задрот, а вот Клефт нихуя на себя не похожий.

– Не вопрос, дружище. – Поц сияет и диктует свой номер, который Франко вбивает себе в телефон. – Ты же на меня больше не злишься, чувак?

– Не-а. Ни капли, – отвечает Франко.

Поц в шутку толкает его в плечо:

– Клево. Набери, бро! Назови свою цену. Я должен успеть, пока еще могу себе это позволить.

Ухмыляющийся Чак уходит к своей компашке, Франко всю дорогу смотрит ему вслед, а я подкатую обратно к художнику:

– Так ты у нас корешишься с голливудскими идолами и рок-звездами?

– Не-а, – говорит он, спокойно глядя на меня, – они тебе не друзья.

Викки возвращается из уборной – ненавижу себя, когда называю так дабл, – но ее перехватывает Мелани, и они заговаривают с двумя другими бабцами. Пользуясь случаем, роюсь у себя в сумке и тычу Франко конверт:

– Не... не... все норм, братан, – он отталкивает его от себя, кабута я пытаюсь ему собачье говно всучить.

– Они твои, кор. По нынешнему курсу. Пятнадцать тыщ четыреста двадцать фунтиков стерлингов набежало. Способ подсчета обсуждается...

– Мне они не надо. – Он качает головой. – Прошное нужно отпускать.

– Именно *это* я сейчас и делаю, Франко, – протягиваю конверт. – Возьми, прошу.

Вдруг к нам бросается чел в очках с черной оправой, полагаю, агент художника. Он явно взбудоражен и говорит Франко:

– Сэм Делита только что купил одну вещь за двести тысяч долларов! Голову Оливера Харбисона!

– Четко, – абсолютно невозмутимо говорит Бегби, обводя взглядом толпу. – Эксла Роуза нету?

– Не уверен, – говорит чел, озадаченный сокрушительным обломом. – Я проверю. Полно слухов. – И он смотрит на меня.

Франко с неохотой нас знакомит:

– Это мой агент, Мартин. Это Марк – дружок с родины.

– Очень приятно, Марк. – Мартин крепко жмет мне руку. – Вернусь к вам позже, ребята. Нужно работать в зале!

Когда Мартин уходит, Франко говорит:

– Видал? У миня есть все, что я захочу, братан. Ты ничё не можешь для миня сделать. Кароч, оставь свои бабки себе.

– Но ты миня выручишь, если их возьмешь. *Ты* можешь чё-то сделать для *миня*.

Франко медленно качает головой. Смотрит через всю комнату, кому-то кивает и улыбается.

– Послушай, ты меня кинул, и я тебя прощаю, – говорит он негромко, машет шикарно разодетой паре, и чел с ним в ответ здоровается. Еще один ебанный актер, снимавшийся в фильме, чё я недавно смарел в самолете, но не могу вспомнить ни имя парня, ни название картины. – Я по-любому бы сделал этот хреновый выбор – просто находился на таком этапе своей жизни. – Он малехо мне улыбается. – Но прошлое я отпустил.

– Угу, и я тож хочу, – говорю ему, сдерживая раздражение.

– Рад за тебя, – говорит он почти без сарказма, – но ты должен найти собственный путь, старичок. Последний раз, када ты пытался это сделать, я был для тебя, блядь, орудием. – Он делает паузу, и иво глаза наполняет прежний холод.

У меня аж все нутро обжигает.

– Франко, прости, блин, я...

– Обратно я туда не вернуся. В этот раз сейшен будет сольный. – И вдруг он улыбается и *мягко* толкает меня в плечо, почти пародией на прежнего Бегби. Миня врубает: «Этот пиздюк прикалуется».

– Ебанный рот... шиза какая-то! Я ж тут тебе бабки предлагаю, Фрэнк! Эти бабки твои!

– Не мои они, это с наркоты навар, – говорит он с каменным лицом.

Потом его рука опускается на мой локоть, и он подводит миня к картине с Джимми Сэвиллом²³, за которого в Америке никто не знает: тот валяется кровавым месивом у бара «Альгамбра». Буркалы у Сэвила вырваны, а кровь с его хозяйства растекается по белым треникам пятном темно-красной мочи в паху. Внизу подпись:

«ТАК МЫ В ЛИТЕ ПОСТУПАЕМ С ДЕТОТРАХАМИ» (2014, холст, масло).

Он тыкает в красную точку на картине: знач, картина продана.

– От *это* от мое. Я народу ёбла крошил, и миня на кичу сажали. А щас я то ж самое делаю, и мне плотют.

Смарю вокруг, обводя взглядом портреты и литые бошки иво производства. Признаюсь, я не особо шарю в искусстве, но должен сказать: это самая огромная куча гамна, чё я видал за свою, сука, жизнь. Он капитально разводит этих тупых зажавшихся богатых уебанов, которые, видать, считают, чё коллекционировать творения бешеного зэка – это клево. Он, конеш, молодец, но еб же твою мать: отливать чью-то репу, а потом ее корезить – никакое это, блядь, не искусство. Приглядываюся к посетителям галереи, чё таскаются с одной выставки на другую, как они шурятся, пальцами тыкают, обсуждают. Загорелые мужики и бабы, с отшлифованными в спортзалах фигурами, в классных шмотках, безупречно причесанные, искупанные в самых топовых одеколوناх, духах и бабках.

²³ Сэр Джеймс Уилсон Винсент Сэвил (1926–2011) – английский теле- и радиоведущий, диджей, в 1975–1994 гг. вел программу «Джим все устроит» (*Jim'll Fix It*), куда дети писали письма и рассказывали о своих желаниях, которые он выполнял. С 1990-х гг. периодически всплывали и расследовались слухи о его невозддержанном сексуальном поведении, а вскоре после его смерти выяснилось, что его жертвами могли стать до 450 женщин, в том числе несовершеннолетних.

– А ты знаешь, откуда бабки у *них*? С наркотрафика? С торговли людьми, еб твою мать! – Пара человек с ближайшей группки оборачуется на мой громкий голос. Краем глазом замечаю, как охранник вытягивает шею. – Наверно, у тебя есть любимый благотворительный фонд, куда я могу их передать?

– Ша, кор, – походу, Франко это теперь в натуре по приколу. – Не позорься.

Мое лицо недоверчиво перекашивается.

– Теперь *ты* уже говоришь мне, чёбы я уёбищем себя на публике не выставлял: гейм, сет и матч! Щас же скажи мне название своей любимой благотворилки, Франко, еб твою мать!

– Не верю я в благотворительность, Марк. И прошу, зови миня Джимом.

– А во что ты вообще *веришь*? Чё, мне придется отдать эти пятнадцать с гаком тыщ «Хибзам»?

– Я верю в то, чё надо заботиться за своих, братан. – Он кивает своей открыточной калифорнийской блондинке-жене, внезапно гремят динамики, и этот чел, агент Мартин, выходит на середину зала.

Викки возвращается ко мне.

– Все нормально? – спрашивает она. – Что это? – показывает на конверт у меня в руке.

Кладу его обратно в сумку и застегиваю молнию.

– Пытался отдать Фрэнку долг, но он не захотел брать.

– Должна сказать, все это выглядит очень увлекательно и таинственно. Наркотиками промышляли?

Франко оборачуется, и я не могу смареть пиздюку в глаза: подозреваю, чё нам обоим не удастся сохранить невозмутимый вид.

– Мы в Лите промышляем только магазинными чеками «Прови», – говорю ей.

Када оглядываюсь на Франко, слышу, как стучат пальцы по микрофону, вызывая статический треск, и толпа притихает. Агент Мартин прокашливается:

– Спасибо, что пришли. А теперь мне хотелось бы представить директора этой галереи и великого покровителя искусств города Лос-Анджелеса – Себастьяна Вилльерса.

Какой-то пиздюк с загородного клуба, с седой бошкой и красным таблом, похожий сразу на всех американских политиков, каких я видел, встает и начинает нести полную хуйню за Бегби. За то, чё лучше его «творчества» ничё пока еще не придумано. Не могу эту ссанину слушать! Мечтаю тока за то, чёбы отвести Викки домой. Я думал, чё за эти полдня уже насытился сексом до отвала. Хуй там. Смотрю на нее и по ее похотливой улыбке понимаю, чё она думает то же самое. Мы сруливаем, а диджей врубает фанк, и Франко с Мелани плавно танцуют под этот трек Питера Брауна, «Хочешь пофанковать со мной»²⁴.

«Ё-мое. Этот пиздюк... танцует. Уебан еще и двигаться умеет». Это чё, правда, блядь, Фрэнсис Бегби? Может, все дело во мне. Может, эти представления за Бегби въелись мне в мозг в другую эпоху. Может, мне надо просто отпустить всю эту хуйню, как, очевидно, отпустил ее *Джим Фрэнсис*.

²⁴ «Хочешь пофанковать со мной» («Do You Wanna Get Funky With Me») – диско-сингл американского диско-певца и автора песен Питера Брауна 1977 г.

6

Больной – В поисках Юэна Маккоркиндейла

Бухло и наркотики – это для школоты: мало что хуже бодуна или отходняка после ешек, когда тебе уже стукнул полтинник. Если смотреть фактам в лицо, даже с учетом рождественской вседозволенности, ты просто чувствуешь себя слабым и безголовым: скудные, слабеющие остатки веселья, которые получается выжать, никак не оправдывают последующего затяжного аттракциона ужасов.

Короче, я утопаю в этом удобном диване, перед большим плоским экраном и пылающими углями в доме Маккоркиндейлов, а рядом – чайник. Щелкаю каналы, пытаюсь сохранять позитивный настрой. Вижу во дворе Бена: он говорит по мобильному, расплываясь в улыбке. Решаю зависнуть здесь еще на пару деньков, как только сбегрю его на юг, после матча «Хибзов» с «Рейтами». Я был против независимости Шотландии, полагая, что мы полностью ее проебем. Теперь же мое мнение изменилось: судя по энергетике и уверенности жителей города, мы бы не устроили такого бардака, как на юге. Собираюсь позвонить Джилл и подумываю насчет эдинбургских «Коллег», возможно, вычислю еще каких-нибудь новеньких и приведу их в божеский вид!

Меня отвлекает Карлотта: она прессует своего дорогого братца, буквально *нависая над мной*. Понятно, что у нее на уме: пропавший муженек, опозорившийся отец этого в прошлом уважаемого семейства. Карлотта не шевелится и молчит, и я не знаю, сколько еще смогу притворяться, что не замечаю, как она таращится на мою макушку. Это ее манера еще с детства. Всида умела повысить атмосферное давление мрачным немим гневом. Решаю расшифроваться:

– Привет, сестренка. Просто пытаюсь понять, что смотреть. Тут вот есть, – беру дистанционку, нажимаю кнопку «справка» и читаю на экране: – «пленительная романтическая комедия с Одри Тоту в главной роли», но это не «Амели»...

– Ты найдешь Юэна! Ты найдешь моего мужа!

Поднимаю голову, а она смотрит на меня волком. Голос у нее сдержанный и четкий.

Поворачиваюсь к ней и развожу руками:

– Я в натуре не могу слышать сейчас крик. – Зря я это сказал, потому как ее глаза загораются смертоубийственной латинской страстью. – Он объявится, как только нагу...

– НАЙДИ ЕГО!

Что может быть хуже, чем бродить по этим холодным улицам в мертвой зоне между Рождеством и Новым годом? Оставаться здесь, пока она орет как скаженная. С неохотой соглашаюсь, и она уходит, стуча ногами по деревянной лестнице. Накидываю в прихожей куртку, шарф и шапку, как вдруг входит Росс и, молча уставившись, требует отчета. Пожалуй, парнишка – маменькин сынок.

– Как наш фон-барон? И чё там Бенито на улице химичит? Шуры-муры небось крутит.

Тут только до меня доходит, что этот мелкий мудака сжимает кулаки, будто хочет устроить разборку!

– Мама сказала, это ты подставил папу с этой женщиной, – блеет он тонким голоском.

Вот же кобыла наглая! Да и пиздюк малый нахальный! Значит, этот больно умный мудака уже готов сойтись один на один со взрослым дядькой. Спокойно смотрю на него и понижаю голос:

– А может, ты сам в этом виноват, корешок, – и слежу, как у него от недоумения отвисает челюсть. – Может, Юэну захотелось показать себя, после того как ты распинался, что сам еще такая целочка, чё не можешь себе дырку найти.

– Что... Как ты... Кто сказал...

– Может, тебе учесть это в своих расчетах? – перебрасываю конец шарфа через плечо и начинаю застегивать куртку.

Глаза его быстро моргают, а губы дрожат.

– Тебе бы... Тебе не... – Он пытается убежать, но я хватаю его за руку. – Не трогай меня!

– Давай, беги к мамме, – стебусь. Опешив, он останавливается. – Это поможет, если твоя цель в жизни – навсегда остаться девственником. Тогда ты сто проциков ее достигнешь.

Росс низко свешивает голову, будто смотрит на выдуманный мир «Майнкрафта», который расставил на полу.

– Выше нос, – говорю ему. – Будь мужиком, ёбта.

Он изо всех сил пытается.

– Но... но... но...

Помогаю ему, дергая его подбородок кверху. Заставляю посмотреть мне в глаза:

– Дырку не можешь себе найти. Ничего. Я найду. Уж я-то понимаю, насколько это важно, – отпускаю его лицо. Замечаю, как он слегка свешивает подбородок, но взгляд устремлен на меня. – Твоя мать не поможет тебе с кем-то переспать, Росс. Твой отец... я тебя умоляю, – говорю, чувствуя себя немного предателем. Но никто ведь не просил Юэна трахать Марианну, и никто не просил их заниматься непотребством на камеру. «Озабоченная шалава... меня вдруг возбуждает авантюризм этой блядины. Я сам должен был ей вдуть, а не этот хуй с горы». – Но я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.